

ЯЗЫК.
КОММУНИКАЦИЯ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ISBN 978-5-4217-0359-4

9 785421 703594

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

65-48-12

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

**ЯЗЫК.
КОММУНИКАЦИЯ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ**

Сборник научных трудов

Курган 2016

УДК 81 42(06)

801.1

ББК 81.055.1

Я 41

Язык. Коммуникация. Методика преподавания : сборник научных трудов / отв. ред. О.А. Казенас. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – 104 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

УДК 81 42(06)

801.1

ББК 81.055.1

ISBN 978-5-4217-0359-4

© Курганский
государственный
университет, 2016

© Авторы, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Андрюшин В.М.	
Современная антиутопия: киберпанк и другие.....	5
Андрюшина О.Н., Бочегова Н.Н.	
Мифологема города в стимпанк-литературе.....	10
Бекетова Р.П.	
К вопросу о формах грамматических категорий глагола во французском языке	17
Беличева О.П., Корябина А.А.	
О способах образования французского и русского аргю (на примере школьного аргю)	23
Буслова Т.И.	
Общие вопросы исследования фразеологизмов в русской, испанской и французской лингвистике	26
Горева О.Н., Возмилова М.Н.	
Семантические особенности предметных ФЕ с компонентом «часть тела животного» во французском языке.....	34
Иванова С.П.	
К вопросу об обучении чтению на иностранном языке (начальный этап).....	37
Кабыш В.И.	
Процессуальные фразеологизмы в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».....	40
Казенас О.А., Розальева А.А.	
Отражение темы <i>amour</i> / любовь в произведении Ф. Бегбедера «Любовь длится три года». Лексический уровень.....	46
Куличкова И.Л.	
Использование метода суггестопедии в работе с текстом в целях интенсивного обучения иностранному языку.....	52
Пережогина А.А., Рыжкова В.А.	
Семантические особенности квебекизмов во французском языке Канады	54
Поманисочка М.А.	
Методика подготовки к написанию академического эссе	58

<i>Подкорытов А.П., Антонова Е.Ф.</i>	
Сравнения как средство создания комического эффекта в детективах Фредерика Дара.....	66
<i>Портнягин Д.В.</i>	
Физиогномика в новелле Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести»	73
<i>Ратушная Е.Р., Ратушная Е.И.</i>	
Понятие концепта в современной лингвистике	78
<i>Смакотина Т.М.</i>	
Личный дейксис в англоязычном научном дискурсе	82
<i>Ульянин В.Ф., Жданова Е.М.</i>	
Особенности актуализации концепта «der Hass» в немецкоязычной прозе	8:
<i>Федоринов А.В.</i>	
Переводческие преобразования в переводе на французский язык повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»	93
<i>Федорова И.Н.</i>	
Трудности применения дидактических игр на уроке иностранного языка	103

СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ: КИБЕРПАНК И ДРУГИЕ

Литература XX века в большинстве своём имела пессимистический настрой, а романы, написанные в жанре антиутопии, заняли особое пророческое место в мировой культуре. «Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» («Brave New World») О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» («Fahrenheit 451») Р. Брэдбери предупреждали человечество о неверных, но возможных путях развития общества, которые могут привести к гибели всего живого на Земле. Однако был и другой вариант: показать в произведениях постапокалиптический мир будущего (Т.Н. Толстая «Кысь»).

Структурный стержень любой антиутопии – антикарнавал. Мир антиутопий – пародия на свободную стихию народной смеховой культуры, на карнавал. Если в основе обычного карнавала, описанного в литературоведении XX века М.М. Бахтиным, лежит так называемый амбивалентный, двойственный, отрицающе-утверждающий смех, то сущность тоталитарного псевдокарнавала – абсолютный страх [8]. Но страх этот тоже можно назвать амбивалентным: он всегда сопровождается благоговением перед властью. Если в обычном карнавале отменяются любые социальные перегородки, рушится вся общественная иерархия, смех полностью уравнивает в правах «верхи» и «низы», то в псевдокарнавале дистанция между людьми на разных ступенях социальной лестницы – неотменяемая норма. В карнавале все над всеми смеются, в псевдокарнавале все за всеми следят, все друг друга боятся. Таким образом, конфликт в антиутопии возникает там, где герой отказывается видеть мазохистское наслаждение в собственном унижении властью.

В начале XXI века пессимистический настрой не изменился и жанр антиутопии массово вышел из литературы в иные формы искусства, а также в медиа-пространство. До этого лишь единичные случаи были нелитературными, например, фильм «Сталкер», снятый А.А. Тарковским в СССР ещё в 1979 году по мотивам романа «Пикник на обочине» А.Н. и Б.Н. Стругацких. Сам роман не является антиутопией, а кинолента уже

входит в этот жанр. Антиутопия широко распространилась в различных видах искусства, в том числе и в только зарождающихся. Например, в компьютерных играх: по мотивам фильма и книги была создана игра «S.T.A.L.K.E.R.». Также антиутопия породила другие поджанры и новые направления в современной фантастике, такие как киберпанк. Термин является сочетанием из двух английских слов «cybernetics» – кибернетика и «punk» – изначально «мусор», позднее – целая молодёжная субкультура (конец 1960-х – начало 1970-х в Великобритании, США, Канаде и Австралии).

Но вернёмся к киберпанку. Впервые этот термин использовал Брюс Бетке в качестве названия для своего рассказа в 1983 году (это произведение тогда являлось классической научной фантастикой, в настоящее время всё фантастическое, что было описано в рассказе, уже стало реальным) [9]. Главный герой – хакер, который носит модную среди сверстников-панков причёску – ирокез. Обычно произведения, относимые к киберпанку, описывают антиутопический мир будущего, где высокое развитие новых технологий, таких как IT-сфера и кибернетика, сочетается с глубоким упадком или радикальными переменами в социальном устройстве. Критерий Г. Дозуа, высказанный по поводу романов У. Гибсона, стал формулой киберпанка: «High tech, low life» («Высокие технологии, низкий уровень жизни»). Как бы ни было прискорбно, но на данный момент этот субжанр изжил себя, а то, что сейчас создаётся в рамках подобной концепции, скорее является посткиберпанком – описывает сеть Интернет или компьютерные (а также ментальные или социальные) сети будущего, виртуальное пространство, в котором совершают подвиги герои-одиночки, являющиеся частью электронной или кибернетической системы.

Вообще деление на киберпанк и посткиберпанк трактуется различно. Но стоит признать, что ранние работы (1980-1990 годы) в данных направлениях и современные отличаются и спецификой, и главным героем. Неизменным остался только антураж, например, как в антиутопии «Живущий» А.А. Старобинец (2011).

Младший брат киберпанка, стимпанк (*англ.* «steam» – пар), на данный момент широко распространён в искусстве и представляет собой синтез киберпанка и ретрофутуризма. Произведения этого поджанра описывают мир, в котором техническое развитие остановилось на уровне паровой машины, при этом зачастую в нём существуют механические роботы,

возможно присутствие магии. Яркий пример – трилогия Ч.Т. Мьевиля «Вокзал потерянных снов» (2000), «Шрам» (2002), «Железный совет» (2004) («Perdido Street Station», «The Scar», «Iron Council»).

Дизельпанк аналогичен стимпанку, но технический прогресс остановился уже на дизельном двигателе. В рамках этого поджанра обычно пересматриваются итоги Второй мировой войны, либо конструируется альтернативный ход мировой истории. Сейчас приверженцы поджанра дизельпанк постепенно вливаются в стимпанк. Также существует тенденция не выделять это направление вообще, однако она ошибочна, так как главенствующая технология и атрибутика времени иная. Стимпанк – это XIX век перенесённый в XX или XXI, а дизельпанк – это последствия событий альтернативной истории XX века. По сути это синтез антиутопии и исторической фантастики. Ряд атрибутов дизельпанка имеет мир Саракша в повести братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких «Обитаемый остров» [7].

Биопанк – это поджанр, описывающий достижения генной инженерии либо появление новых существ в результате радиоактивного или химического воздействия на природу и человека, также активно используются достижения евгеники. В общем-то это киберпанк (по временным рамкам – даже посткиберпанк) после некой катастрофы, из которого убрали все неживые элементы. Сюда вполне можно отнести «Кысь» и большинство произведений, созданных по вселенной «Метро 2033» [11].

Нанопанк – ответвление от посткиберпанка, в котором вместо кибернетики появились неведомые обывателю нанотехнологии. Самый спорный и немногочисленный поджанр. Элементы этого направления есть в произведениях Александра Тюриня «Боятся ли компьютеры адского пламени» (1998), «Киберозойская эра» (2003).

Стичпанк (*англ.* «stitch» – стежок) – поджанр, описывающий жизнь неодушевленных существ после всемирной катастрофы. Обычно это предметы обихода или игрушки, оживлённые магией. Предметный постапокалиптический мир, существующий сам по себе. Миф или даже сказка, которые пережили человечество (Любынцев Александр «Плюшевый мир»).

В рамках выбора главенствующей технологии или антуража определённой эпохи при конструировании альтернативного хода истории (или создания новых миров) сейчас появляются и исчезают малозаметные явления. Например, сандалпанк описывает мир, стоящий на технологическом уровне поздней античности или клокпанк – аналог стимпанка без па-

ра, где вся технология сводится к механике, а антураж взят из эпохи Возрождения и Барокко. Но на данный момент это даже не направления, а набор стилизаций, которые не следует рассматривать как отдельные поджанры. На рисунке 1 отражён генезис современной антиутопии.

Рисунок 1 – Генезис современной антиутопии

О романах-антиутопиях написано много, но большинство этих трудов рассматривают антиутопию только как часть литературы, не уделяя внимания проникновению этого явления в другие виды искусства. Например, некоторые музыкальные композиции русской андеграундной группы Otto Dix, такие как «Город», «Атомная зима», «Утопия»; антиутопические скульптуры Уолтера Мартина и Паломы Муньоз; компьютерные игры по мотивам антиутопических произведений («Метро 2033», «Метро 2033: Луч надежды», «S.T.A.L.K.E.R»), а также самостоятельные проекты без литературной основы («Мор.Утопия» — не имеет ничего общего ни с Т. Мором, ни с его произведением, кроме отсылки в названии). Однако диалоги персонажей переполнены цитатами и аллюзиями на такие шедевры мировой литературы, как «Замок» Ф. Кафки, «Чума» и «Посторонний» А. Камю, философские афоризмы Ф. де Ларошфуко.

Определение компьютерных игр как новой формы искусства спорно из-за новизны явления, но уже обосновано известным дизайнером компьютерных игр, основателем компьютерной арт-хаус студии «Ice-Pick Lodge» Н.В. Дыбовским в серии статей «О глубоких играх». Не стоит забывать, что искусство меняется не только содержательно, но и фор-

мально, можно даже сказать, что появляются его новые виды. История развития человеческой цивилизации подтверждает видовую эволюцию искусства: *«В античности такой формой была скульптура, потому что космосом человека был он сам. В средние века это была архитектура, соборы, которые идеально выражали новое сознание человека, жившего в мире, которым правит всемогущий Бог. Во времена Возрождения ей стала живопись, понятно почему. В XX веке формой искусства стало кино. Быстрое, внезапное, синхронное, очень адекватное – оно сразу стало зеркалом жизни. В XXI веке этой формой станет игра»* [10].

Современная антиутопия имеет множество модификаций, которые отошли от классической модели. Жанр активно смешивается с различными видами фантастики и продолжает развиваться в сторону синтеза. Классическая антиутопия как явление уже преодолела путь от философии до литературы, передав эстафету современной антиутопии, которая сейчас нашла отражение в других видах искусства – от кинематографа до компьютерных игр.

Список литературы

- 1 Брэдли Р. *451 градус по Фаренгейту*. – М. : Римис, 2011. – 304 с.
- 2 Замятин Е. И. *Избранные произведения*. – М. : Сов. писатель, 1989. – 264 с.
- 3 Оруэлл Дж. *1984*. – М. : РИК Культура, 1991. – 428 с.
- 4 Старобинец А.А. *Живущий*. - М. : АСТ, 2011. – 318 с.
- 5 Толстая Т. Н. *Кысь*. – М. : Подкова, 2001. – 320 с.
- 6 Хаксли О. *О дивный новый мир*. - М. : АСТ, 2013. – 288 с.
- 7 Стругацкие А.Н. и Б.Н. *Обитаемый остров*. – М. : Эксмо, 1997. – 325 с.
- 8 Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики*. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
- 9 Бетке Б. «Киберпанк» URL: http://www.modernlib.ru/books/betke_bryus/kiberpank/read_1/ (дата обращения: 24.12.2014).
- 10 Дыбовский Н. В. «Игра вызывает игрока: Военный совет». URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=2231> (дата обращения: 24.12.2014).
- 11 Вселенная «Метро 2033». URL: <http://www.metro2033.ru> (дата обращения: 24.12.2014)

МИФОЛОГЕМА ГОРОДА В СТИМΠΑНК-ЛИТЕРАТУРЕ

Термин «мифологема» был впервые употреблён в эссе К.Г. Юнга и К. Кереньи «Введение в сущность мифологии» (1941). Мифология, по мнению данных учёных, – наука, находящаяся рядом с поэзией, даже внутри неё, и отличающаяся своеобразием материала. Это материал, сохранившийся с незапамятных времён, – повествования о героях, богах, битвах и путешествиях между мирами. «Мифология есть *движение* этого материала: это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и всё же не статичное, способное к трансформации» [1, 18]. Формообразование в мифологии сродни живописи: поток мифологических картин течёт и развёртывается – мифологемы представляют собой некие сакральные традиции и сохраняют свойства произведений искусства.

Мифологема города – одна из наиболее разработанных в культуре. Исторически город – это огороженное пространство, территория, отделенная от дикой природы стенами, обеспечивающая безопасность от хищников и врагов. Город – это начало цивилизации. Согласно теории Б.В. Маркова «пространство города, с одной стороны, является физическим и включает здания, улицы, площади, а с другой – символическим, т. е. таким, разметка которого осуществляется в сознании и видима лишь тому, кто воспринимает скрытую и зашифрованную моральную, сакральную, политическую и т. п. топографию. Город не сводится к архитектуре и не прочитывается до конца как система знаков или овеществленная форма духа. Он представляет собой территорию, пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует индивидуальное и общественное тело» [2, 125].

Город, будь он древним или современным, вымышленным или реальным, практически невозможно описать одним предложением: есть история топонима и заселения, особенности застройки и множество единиц так называемого «городского фольклора» (былички, истории, «страшилки» и т.д.). Однако при упоминании названий известных городов России и мира у нас возникают соответствующие образы: Москва – Кремль и Красная площадь, Санкт-Петербург – мосты и Невский проспект, Лондон –

Биг-Бен и Тауэр и др. По классификации З.Д. Поповой и И.А. Стернина концепт *город* можно отнести к фреймам, многокомпонентным концептам, представляющим собой объёмное представление, совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. Например, магазин (компоненты – полки, витрины, кассовый аппарат, покупать-продавать, товары, цена и др.) [2]. Компоненты концепта *город* – это и улицы, и дома, и серое небо, и дым городских труб, а также люди, наполняющие аллеи и подворотни, а не только дома, иначе это мёртвый город вроде Припяти. И не только люди – каждому нужна крыша над головой, магазины, рынок, чтобы покупать продукты или увозить туда свои товары; учреждения, чтобы работать там; кафе, бары и прочие увеселительные заведения, где можно отдохнуть после работы; учебные заведения и, наконец, объекты религиозного поклонения. Таким образом, можно сделать вывод, что город есть мифологема – он имеет свой образ, стойкие и индивидуальные ассоциации; кроме того, город развивается и имеет историю – даже у самого незначительного поселения есть старожил, который расскажет о давних временах.

Обратимся к самому слову *город*. Словарь С.И. Ожегова говорит нам следующее:

ГОРОД, -а, мн. -а, -ов, муж.

1 Крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. *Портовый г. За городом жить* (в пригородной местности). *За город поехать* (в сельскую местность). *За городом* (вне города).

2 Центральная главная часть этого населённого пункта в отличие от окраин и пригородов (разг.). *Из нового района приходится в магазин ездить в г.*

3 В старину на Руси: ограждённое стеной, валом поселение; крепость. *Китай-г.* (в центре Москвы).

4 Городская местность в отличие от сельской, деревенской. *Сельская молодёжь стремится в г.*

5 В игре «в городки»: площадка, на которой ставятся фигуры из городков (см. городок в 3 знач.) [3].

Этимология слова *город* представлена в словаре Семёнова.

Общеславянское – *gorǫdъ*, старославянское – градъ, древнерусское – город. Слово широко известно в древнерусском языке с XI в. «Город» – полногласное образование от старославянского градъ, которое, в свою

очередь, восходит к общеславянскому *gordь*. Первоисточником является корень *ghard* в индоевропейском праязыке, что и объясняет наличие родственных слов в других языках: немецкое *Garten* (сад), английское *garden* (сад), албанское *garth* (ограда), готское *grhas* (дом).

Первоначально слово «город» означало «забор», «ограда», «огороженное место» (здесь наблюдается родство со словом «огород»), потому как древние славяне старались разными способами оградить свои поселения, защитить от врагов, диких животных и т.д. В итоге городами стали называться крупные поселения с домами, огороженные крепостной стеной [4].

Города широко отражены в устном народном творчестве, позднее истории о них обрели и письменную форму. В скандинавской мифологии асы (боги) жили в небесном Асгарде (др.-сканд. *Ásgarðr* – «асов город, ограда асов»). Герои русских былин жили в разных городах Древней Руси – Новгороде, Владимире, Архангельске, а также путешествовали и доходили даже до Царьграда.

В Библии упоминаются многие города, как существующие до сих пор, так и утерянные, однако оставшиеся в виде фразеологических единиц – ветхозаветные Содом и Гоморра, стёртые с лица земли за развратный образ жизни их жителей. Сейчас данная фразеологическая единица в русском языке имеет значение «обитель разврата», реже – «беспорядок». С этими городами также сравнивается Вавилон с его башней, постройка которой бросила вызов небесам. Этот топоним отражён во фразеологизмах «Вавилонская башня» и «вавилонское столпотворение», имеющих значение «высокое сооружение» и «путаница, неорганизованность» соответственно. Названия трёх важнейших городов авраамических религий (христианство, иудаизм и ислам) – Иерусалим, Вифлеем и Назарет – также широко используются как в религиозном, так и в повседневном дискурсе. Об этом свидетельствуют названия музыкальных групп (*Nazareth*, Вифлеем), фильмов (Э. Бёрджесс «Человек из Назарета»), а также отсылки в текстах песен, стихах и прозе (роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», песня Ю.Ю. Шевчука «Мёртвый город. Рождество» и многое другое).

Город всегда считался центром торговли, промышленности, культуры, даже жизни в целом. Это отражено и в литературных произведениях разных времён и жанров: «Венецианский купец» У. Шекспира, «Петербургские ведомости» и «Белые ночи» Ф.М. Достоевского, «Град обречённый» братьев Стругацких. В последнем описывается вымышленный го-

род, который, однако, подчиняется законам города реального: там есть деньги, власть, стражи порядка, объекты архитектуры; жители имеют работу, могут общаться с другими, совершать товарооборот.

В наш быстротечный и изменчивый век все виды искусства трансформируются, создают разного рода комбинации и вступают друг с другом в синтез. Зачастую создаются произведения на стыке – фильм по игре (Сайлент Хилл, 2006), игра-фильм (Fahrenheit, 2005), игра-художественное полотно (Тургор, 2008). Стоит упомянуть уже давно известные человечеству театральные постановки, которые сами по себе являются синтезом музыки, декораций и игры актёров, и другие виды искусства. Конечно, относить или не относить игры к искусству – вопрос серьёзный и требующий отдельного изучения. Однако существует мнение, что так называемые чистые жанры уже не удивляют современного зрителя, есть даже такая точка зрения, что чистых жанров не осталось [5]. Собственно, и стимпанк (*англ.* «steam» – пар) – это не только литература, кино или игры, это направление в искусстве, описывающее альтернативную историю, в которой развитие человечества находится на стадии изобретения парового двигателя. Как правило, это стилизация под викторианскую Англию. В старинный антураж анахронически вписаны первые автомобили, дирижабли, телефоны, часовые механизмы, локомотивы, роботы. Также возможно использование магии.

Термин «стимпанк» был предложен в 1987 году писателем Кевином Джетером, который пытался найти общее наименование для произведений Джеймса Блэйлока и собственных романов, которые не вписывались в общую концепцию фэнтези. И тогда Джетер предложил привязать название жанра к главенствующей технологии, а именно – к пару, по аналогии со старшим братом поджанра – киберпанком (от слова *cyber* или *cybernetics*), где главная черта визуального стиля – это высокие кибернетические технологии [6].

Герой стимпанк-произведения – это учёный или просто умелец-одиночка. Живёт он в городе, но либо небогато, либо просто не заботится о своём внешнем виде и о чистоте жилища. Зачастую имеет порочную связь или склонность.

В данной статье мы будем опираться на тексты произведений британского фантаста Ч.Т. Мьевилля «Perdido Street Station» («Вокзал Потерянных снов»), 2000, «The Scar» («Шрам»), 2002; «Iron Council» («Желез-

ный Совет»), 2004. Выбор романов неслучаен – это одни из первых крупных работ в данном направлении, и каждая из них посвящена отдельному городу. Однако все эти города существуют в пределах одного вымышленного мира Бас-Лаг (Bas-Lag). Город в романе «Вокзал потерянных снов» – индустриальный гигант Нью-Кробюзон, находящийся на материке: город в обычном понимании. В «Шраме» – плавучая пиратская Армада: огромное собрание кораблей, скреплённых между собой и бороздящих просторы океана в поисках добычи и знаний. В «Железном Совете» – город-поезд, который везёт на себе не только экипаж, но и рабочих-путейцев, и платформы-сады, платформы-заводы и платформы-кладбища, а эти самые рабочие кладут пути прямо по ходу и разбирают их сразу после прохождения по ним Железного Совета.

В городах Ч.Т. Мьевилля (Нью-Кробюзон, Армада и Железный совет), хоть и не всегда мирно, уживаются люди и ксении (xenians). Последние – представители иных рас и даже биологических видов: водяные (thevodyanoi), русалки (themermaid), хепри (thekhepri), гаруды (thegaruda), разумные летучие мыши (thewyrgmen), люди-ёжики (thehotchi) и люди-кактусы (thecactacae) и многие другие. Армада и Нью-Кробюзон поделены на районы, отличающиеся большей или меньшей самостоятельностью, многие из них можно считать отдельными городами, так как появление чужаков на их территории уж если не опасно для жизни, то крайне нежелательно. Например, заброшенная теплица (Glasshouse), в которой поселились люди-кактусы, или сам вокзал на Затерянной улице (Perdido Street Station), оккупированный мотыльками (thelake-moths), а также река, где живут водяные и русалки (роман «Вокзал Потерянных снов»).

Районы Армады – это различные морские суда, соединённые канатами, металлическими тросами и магией. Каждый район подчиняется сильному лидеру, зачастую обладающему сверхъестественными способностями. История Армады, а также «бога на паровой тяге» Нью-Кробюзона уходит в прошлое на несколько сотен лет, хотя и не все жители помнят её. В обоих городах сильно революционное движение – горожане хотят перемен и готовы отстаивать свои права с оружием в руках. Несколько раз этим поселениям грозит полное уничтожение – Нью-Кробюзон атакуют ужасные мотыльки, питающиеся снами и разумом людей, а правители Армады ищут таинственный Шрам (the Scar) – разлом материи, этакий край земли. И находят, проваливаясь в вечное ничто.

Несколько иначе обстоит дело с Железным Советом. По сути, Совет – это огромный поезд, рабочие и экипаж которого изначально должны были проложить первую железную дорогу от Нью-Кробюзона до ближайшего крупного города и далее. Однако хозяин предприятия не платил им зарплату, чем вызвал крупную забастовку, в ходе которой рабочие захватили поезд и превратили его в своё государство, вдохновив в дальнейшем жителей самого Нью-Кробюзона на вооружённый переворот. Вечный поезд рождён революцией и создаёт путь свой сам: одни бригады путейцев кладут рельсы днём и ночью, другие разбирают, как только Железный Совет сходит с них. Во главе этого города-государства стоят бывшие отверженные – преступники, переделанные люди, с помощью магии превращённые в разумные машины на дизельном топливе, и женщины лёгкого поведения, которые шли за поездом с самого начала строительства железной дороги.

Ю.М. Лотман в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» делит города на два типа: концентрический и эксцентрический: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе. Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”. Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза “земля/небо”, а оппозиция “естественное/искусственное”. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [10].

Все три города, Нью-Кробюзон, Армада и Железный Совет, – города эксцентрические. Во-первых, по положению в пространстве: Нью-Кробюзон расположен в устье реки недалеко от леса. Армаду окружает океан, а внизу, под немыслимой толщей воды томится огромный зверь Аванк – этакий левиафан, который должен привезти город-корабль к Шраму. Железный Совет также самоценен, он бежит от больших городов

и исследует пустыню, лишь изредка подходя к мелким поселениям и совершая с ними натуральный обмен. Большая часть необходимых вещей производится самими путейцами в вагонах-фермах, вагонах-кузницах и вагонах-фабриках.

Актуализация оппозиции "естественное/искусственное" прослеживается и в архитектуре – милицейские башни Нью-Кробюзона пронзают тело земли. Но если Нью-Кробюзон хотя бы стоит на твёрдой почве, то Армада и Железный Совет – города другого порядка: они находятся в постоянном движении, изменяя собой мир: Армада безжалостно грабит другие суда, захватывая сокровища, продукты и книги, убивая и забирая в плен лучшие умы Бас-Лага, а Железный Совет на своём пути уничтожает целые цивилизации аборигенов, через которые проходит его маршрут. Не щадит экологию и Нью-Кробюзон: в районе под названием Барсучья Топь (Brock Marsh), где находятся многочисленные лаборатории, жидкости, которые остаются после экспериментов, сбрасываются в реку или выливаются на улицу. Попав в эти жидкости, человек может заговорить на древних языках, а то и просто стать невидимкой [7, 30].

Наполняя мифологему каждый раз новым содержанием, авторы переносят архетипное представление о предмете, образе, событии на реальные объекты существования. Это, в свою очередь, влияет на сознание человека, прогнозируя его поведение в конкретной ситуации. Таким образом, образ города в стимпанк-литературе имеет все признаки мифологеми: он статичен и вечен, однако находится в постоянном движении и активно развивается. Мифологема города (city) в жанре стимпанка реализует апокалиптические аспекты одноимённого концепта и является образом-предостережением.

Список литературы

- 1 Кереньи К, Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // К.Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
- 2 Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб. : Алтейя, 1999. – 304с.
- 3 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

- 4 *Город. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.Academic.ru/dic.nsf/ogegova/41254> (дата обращения: 10.01.2015).*
- 5 *Этимологический словарь русского языка Семёнова. URL: <http://enc-dic.com/semenov/Gorod-589/> (дата обращения: 10.01.2015).*
- 6 *Дыбовский Н.В. Игра вызывает игрока: военный совет. URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=2231> (дата обращения: 8.01.2015).*
- 7 *Science Fiction Citations. URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/327> (дата обращения: 10.01.2015).*
- 8 *Mieville C.T. Perdido Street Station. – New York : Del Rey, 2003. – 908 p.*
- 9 *Mieville C.T. The Scar. – London : Macmillan Publishers, 2002. – 717 p.*
- 10 *Mieville C.T. The Iron Council. – New York : Del Rey, 2004. – 576 p.*
- 11 *Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. – Тарту: Изд-во Тартуского уни-та, 1984. – Т. 18. – С. 32-44.*

Р.П. Бекетова

Кафедра «Французская филология»

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В грамматике французского языка говорится о четырех грамматических категориях глагола: наклонение, время, вид, залог (*mode, temps, aspect, voix*) и их морфологических формах. Морфологическая форма образуется по определенным моделям с помощью средств словоизменения или словообразования. И поскольку глагол имеет две парадигмы форм - личную и неличную, возникает вопрос о соотношении морфологических форм грамматических категорий и месте их образования.

По модели словоизменения «производящая основа+окончание» образуются личные формы грамматических категорий времени и наклонения в парадигме спряжения глагола. Производящие основы представляют собой либо инфинитив: *parler – je parler-ai/ais, apprendre - tu apprendras/ais*; либо корневую морфему глагола и ее видоизменения: *parler – je parl-e/ais/ai; finir – je fin-is, nous finiss-ons, je finiss-ais; prendre – je prend-s, nous pren-ons, ils prenn-ent, que je prenn-e, etc.*

Корневые морфемы глагола служат основой не только для образования личных, но и неличных форм. Неличные формы глагола образуются по модели словообразования «производящая основа = корневая морфема + суффикс»: *entend-re, entend-ant, entend-u, en entend-ant*.

Категория вида. Обе парадигмы имеют не только простые, но и сложные формы, оппозиция которых представляет в современном французском языке грамматическую категорию вида (*aspect*). В данном случае, как правило, говорится о категории вида и ее образовании в парадигме личных форм оппозицией форм прошедшего времени *imparfait / passé simple: il parlait / il parla*; оппозицией простая / сложная формы: *il parlait / il avait parlé*. Но если в первой оппозиции *il parl-ait / il parl-a* имеет место изменение форм одной и той же лексической единицы *parler* согласно модели словоизменения «производящая основа + окончание», то по составу второй оппозиции *il parl-ait / il avait parlé* возникает вопрос, можно ли считать простую и сложную формы парадигмы спряжения формами словоизменения одной и той же лексической единицы *parler*.

В парадигме неличных форм французского глагола (*mode impersonnel*) так же существует оппозиция простые / сложные формы. Простая форма инфинитива *infinitif présent* и сложная *infinitif passé* трактуются в грамматике французского языка как оппозиция лексических единиц с различным видовым значением: *écrire / avoir écrit, partir / être parti, etc.*

Таким образом, категория вида французского глагола в отличие от категорий времени и модальности имеет свое выражение в обеих парадигмах. Оппозиции лексических единиц *lire / avoir lu* – словообразовательных форм соответствует оппозиция спрягаемых *je lis / j'ai lu* - словоизменительных форм.

Соотношение простых / сложных форм двух парадигм можно представить следующим образом: лексические единицы (*mode impersonnel*) и их словоизменительные формы (*mode personnel*).

<u>Dire</u>	-	<u>Avoir dit</u>
je dis		j'ai dit
tu dis		tu as dit
il dit		il a dit
elle dit,		elle a dit,
etc.		etc.

Парадигма спрягаемых простых/сложных форм отражает словоизменение не одной (*dire*), а двух лексических единиц (*dire / avoir dit*).

Категория залога. Грамматическая категория залога так же, как и категория вида выражается лексическими единицами в парадигме неличных форм переходного глагола. Лексические единицы образованы по модели словообразования «корневая морфема + суффикс»: *lav-er, lav-ant, lav-é, en lav-ant*. Как известно, суффикс вносит изменения в значение производного слова.

Значение корневой морфемы (обозначение действия/состояния) сохраняется в форме инфинитива; в форме причастия изменяется на глагольный признак синтаксических / семантических актантов соответственно их синтаксическим / семантическим функциям в субъектно-объектных отношениях глагола. В парадигме неличных форм переходного глагола инфинитив и пассивные причастия (*participe passé*) являются потенциальными предикативными единицами, актуализация которых происходит в предикативной синтагме в форме глагольного или именного сказуемого: *Jacques ouvre / a ouvert la porte. La porte est ouverte.*

Таким образом, в языке имеется набор глагольных предикативных единиц, выражающих различные залоговые значения, информацию о предмете речи.

Выражение активного залогового значения глагольным сказуемым не вызывает у исследователей особых вопросов. Вопросы появляются при уточнении условий выражения пассивного значения причастием, входящим в структуру сочетания «être + participe passé».

Отрицание статуса аналитической морфологической формы у сочетания «être + participe passé» позволяет считать пассивные причастия переходного глагола структурным компонентом (*attribut*) в именном сказуемом независимо от таких факторов, как видовые нюансы причастий: *cherché / trouvé*, видовременных форм связочного глагола *être: il est trouvé / il a été trouvé*, равно как и появление обстоятельств и агентного дополнения: *il est trouvé / il est trouvé par son père*.

На основе перечисленных факторов одна и та же структура сказуемого «être+participe passé» рассматривается то как пассивная конструкция, то как именное сказуемое: *La porte est ouverte à 8 heures. La porte a été ouverte. La porte est ouverte par Michel / La porte est ouverte.* В таком случае, следует различать парадигматические и синтагматические значения

лексических и синтаксических единиц. Парадигматическое значение причастия – выражать признак предмета, но не действие. Эффект действия появляется в определенных условиях. Прежде всего, это связано с видовыми нюансами глагола. Причастие, сохраняя видовые нюансы, обозначает признак предмета, созданный по окончании действия или создаваемый в процессе действия: *Le pays est détruit / Le pays est gouverné.*

Синтагматическое значение появляется при расширении базовой структуры предложения членами предложения, дополняющими субъектные отношения предикативной синтагмы объектными, обстоятельственными, создающими эффект действия, процесса, субъектно-объектных отношений.

В речевом общении всё внимание направлено не на то, представляет ли собой предмет речи активный субъект или пассивный объект действия, а на содержание информации о нем, выражении признака или действия. Соответственно этому идет выбор предикативной единицы. Ср.:

Окно выходит на улицу. Оно уже давно не открывається. Вероятно, дом необитаем / Окно выходит на улицу. Его давно не открывали. Вероятно, никто не обитает в доме.

В грамматике французского языка в категории залога переходных глаголов выделяется три формы: неместоименная – *voix active*, местоименная – *voix réfléchi* и пассивные причастия – *voix passive*. Исходя из структуры синтаксической и семантической валентности переходного глагола, его субъектно-объектных отношений, неместоименная форма глагола сочетается в предикативной связи с субъектом, причастие – с объектом, местоименная форма имеет предикативные отношения и с субъектом, и с объектом действия.

Cacher: Jean cache son chat. Son chat est caché.

Se cacher: Jean se cache. Son chat se cache.

Сочетание возвратного местоимения с инфинитивом переходного глагола (*se cacher, se voir, se laver, etc.*) вызывает дискуссии по следующим вопросам:

- статус сочетания: является оно аналитической морфологической формой или свободным сочетанием;
- валентность: сохраняется ли значение переходности или местоименная форма переходного глагола становится непереходной.

Отрицание статуса местоименной формы как аналитической морфологической формы залога основано на том, что возвратное местоимение может выполнять синтаксические функции прямого или косвенного дополнения. Подтверждение этому явлению можно видеть в изменении форм причастия при его согласовании с прямым дополнением. В таком случае говорится о свободном сочетании двух компонентов:

Nina s'est lavée (*se* = себя, прямое дополнение);

Nina s'est lavé les mains (*se* = себе, косвенное дополнение).

Однако даже при выполнении синтаксических функций возвратное местоимение остается обязательным структурным компонентом в сочетании с переходным глаголом. Это можно наблюдать при сравнении двух местоимений, возвратного и невозвратного с одним и тем же глаголом: *Michel s'est lavé*. *Michel l'a lavé*. При изъятии возвратного местоимения меняется не только видовременное значение, но и тип сказуемого – глагольное сказуемое становится именным: *Michel s'est lavé*. *Michel est lavé*. Ср. с неизменностью значения глагольной формы в другом примере: *Michel l'a lavé*. *Michel a lavé*. Следовательно, возвратные местоимения, несмотря на проявление синтаксических функций, являются обязательным компонентом местоименной формы глагола.

Во французском языке есть две группы глаголов, имеющих одинаковую неместоименную форму, но различающихся своей валентностью, т.е. наличием или отсутствием прямого дополнения. Это глаголы непереходные, одновалентные и глаголы переходные, двухвалентные. Переходность / непереходность не имеет морфологических показателей (*prendre, -t, marcher, -i*). В группе переходных глаголов образуется оппозиция двух форм: местоименные и неместоименные. Как считают исследователи, местоименная форма становится маркированной формой непереходности глагола. Грамматическим показателем непереходности считается возвратное местоимение. Причина изменения значения переходности на непереходность связывается с сокращением количества актантов с двух различных до одного в случае, если субъект и объект соотносятся с одним и тем же лицом: *Nina lave sa poupée*. *Nina lave Nina*. *Nina se lave*.

Можно сформулировать, однако, другую точку зрения: местоименная форма есть маркированная форма переходности. Переходность определяется синтаксически наличием дополнения, будь то существительное в постпозиции или местоимение в препозиции к глаголу. Среди местоиме-

ний может быть и возвратное местоимение: *Il me / te / le / se voit. Ils nous / vous / leur / se disent.*

Сокращение количества актантов до одного послужило основанием считать местоименную форму глагола маркированной формой непереходности. Но сокращение количества актантов до одного не сокращает количества синтаксических позиций, заполненных личным и возвратным местоимениями: *Il se voit. Ils se disent.* Наличие местоимения в синтаксической позиции дополнения есть показатель переходности (см. случаи выполнения возвратным местоимением функций прямого или косвенного дополнения; подтверждением переходности может служить и реализация возвратного и взаимовозвратного значений местоименной формы глагола).

Таким образом, переходность получает не только синтаксическое, но и морфологическое выражение в группе переходных глаголов. Грамматическим показателем переходности служит возвратное местоимение. Изменение и согласование возвратного местоимения по лицам подчеркивает особый случай переходности.

Анализ соотношения морфологических форм грамматических категорий глагола и места их образования позволяет сделать следующие выводы.

В грамматиках французского языка в парадигме неличных форм глагола отмечается оппозиция простых / сложных форм инфинитива (*infinitif présent / infinitif passé*) как оппозиция лексических единиц с различным видовым значением. Однако не проводится дальнейшая параллель оппозиций простых / сложных форм в обеих парадигмах и их соотношение как словообразовательных и словоизменительных форм. В парадигме спряжения имеет место словоизменение лексических единиц парадигмы неличных форм: спрягаем глагол в простой форме: *cacher- je cach-e*; спрягаем глагол в сложной форме: *avoir caché – caché*; спрягаем глагол в местоименной форме: *se cacher - je me cache.*

Анализ формальной структуры спряжения местоименной формы глагола выявляет обязательное заполнение местоимениями синтаксических позиций подлежащего и дополнения. Наличие синтаксической позиции дополнения есть показатель переходности, что позволяет считать возвратное местоимение в этой позиции грамматическим морфологическим показателем переходности, а местоименную форму глагола – маркирован-

ной формой переходности в группе двухвалентных (переходных) глаголов в случае единства лица субъекта и объекта: *se cacher - je te cache*.

О.П. Беличева, А.А. Корябина
Кафедра «Французская филология»

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО АРГО (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛЬНОГО АРГО)

В рамках статьи хотелось бы остановиться на анализе основных способов словообразования, используемых национальным языком и его подсистемами, в данном случае арго.

Существует система нескольких форм существования национального языка: литературный язык (устная и письменная формы), народно-разговорные разновидности языка, диалекты, жаргонная и арготическая речь.

Распространению арго как во французском, так и русском языках способствуют различные социальные факторы, в качестве главных Э.М. Береговская [1, 15] и Е.И. Диброва [2, 305 -306] называют следующие: появление железных дорог, всеобщая воинская повинность, скопление множества людей на заводах, демократизация общества, снятие цензуры. К этому добавляются еще и второстепенные факторы, вроде влияния эстрадной песни, которая способна разнести по всей Франции какое-нибудь арготическое слово.

При наличии одинаковых путей обогащения словаря языки различаются тем, какой именно способ является наиболее распространенным. В нашем случае во французском языке превалирует семантическая эволюция, в русском ведущее место принадлежит словообразованию. А что же мы имеем в случае с арго? Точнее, школьным арго.

В ходе работы были проанализированы словари французского и русского языков, в частности S. Savontchik «Dictionnaire du système d'enseignement en France», Т.И. Ретинская «Словарь арго французской учащейся молодежи», Т.Г. Никитина «Так говорит молодежь: словарь сленга», а также словари, расположенные в сети Интернет. Общая выбор-

ка составила 151 лексическую единицу для французского языка и 136 для русского. Проанализировав картотеку школьных арготизмов французского языка, мы обнаружили, что наиболее продуктивным в образовании школьного арго является семантический способ. Так, 85 ЛЕ, что составляет 56,22%, образованы именно этим способом. Из них чаще всего отмечается метафорический перенос (76 ЛЕ): *le dictateur* – директор; *la planche* – доска; *la prison* – коллеж или лицей. И только в 7 случаях выявлены случаи конверсии: *plancher (de planche)* – отвечать на уроке, экзамене; *rupiner (de rupin)* – с блеском сдать, и в 2 ЛЕ – фразеологии: *avoir des abeilles* – злиться, расстраиваться; *être quitte de* – ошибаться, не согласиться.

Что касается словообразования, то во французском языке для образования арго используются суффиксы национального языка и суффиксы арготического происхождения. К общепринятым относятся суффиксы –eur (-euse) и –age: *le matheur* – *la matheuse*, *le colleur* – *la colleuse*, *le bahutage*. Чисто арготическими являются суффиксы –oche, –ot : *le dirloche*, *le bachot*, *les petiots*.

Суффиксальным способом образована 21 ЛЕ, в 24 ЛЕ используется аббревиация (*les math spé*), 17 ЛЕ – префиксация (*la méganote*).

Несмотря на синтетичность русского языка, в картотеке русского школьного арго, которая состоит из 136 ЛЕ, мы обнаружили, что большинство слов образовано путем семантической эволюции (75 ЛЕ или 55%), которая образует слова с помощью метафоры (70 ЛЕ или 51%) (например: *гвоздь* – ручка, *скафандр* – школьная форма, *глобус* – лысый учитель), конверсии – 4 ЛЕ или 3% (например: *хвостатый*, *ботанить*).

На втором месте стоит словообразование (49 ЛЕ или 36,02%), в котором так же как и в картотеке французского школьного арго преобладает аффиксальная деривация, которая представлена 29 ЛЕ или 21,32%, при этом суффиксальным способом образованы 22 ЛЕ или 16% (-ик: *компик*; -як: *двойак*; -ун: *обэжун*); 7 ЛЕ или 5% образованы префиксальным способом (у-: *учитать*, про-: *пролететь*), затем аббревиация, которая составляет 18 ЛЕ или 13% слов нашей картотеки: *лаба*, *рис*, *отл*.

В результате проведенного исследования нами была отмечена такая специфическая особенность школьного арго, как использование арготических суффиксов, например: –oche, –oche, –ot во французском языке и –як,

-ач, -уха, -ага в русском языке. Вместе с тем, использование приемов кодировки в наших картотеках обнаружено не было.

Среди словообразовательных способов школьного аргю русского и французского языков ведущее место принадлежит метафорическому переосмыслению. Это говорит об образном и экспрессивном характере этой подсистемы, которая является наиболее динамичной и легко изменяемой среди других подсистем национального языка. Аргю использует механизмы национального языка и выражает свое отношения к нему, создавая свой вокабуляр.

Список литературы

- 1 *Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы : учеб. пособие. – Смоленск : Изд-во Смоленского пед. ин-та, 1975. – 120 с.*
- 2 *Диброва Е.И. Современный русский язык / под ред. Е.И. Дибровой. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 480 с.*
- 3 *Елистратов Е.С. Словарь русского аргю : Материалы 1980 – 1990 гг.– М. : Русские словари, 2000. – 694 с.*
- 4 *Никитина Т.Г. Так говорит молодежь. – СПб. : Изд-во Фолио-пресс, 1998. – 590 с.*
- 5 *Ретинская Т.И. Словарь аргю французской учащейся молодёжи. Специфическая ненормативная лексика с переводом на русский язык. - М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 169 с.*
- 6 *Le Grant Robert de la langue française de Paul Robert. 2-e ed. – T. I. – P. : Robert, 1986.- 1077 p.*
- 7 *Savontchik S. Dictionnaire du système d'enseignement en France. – Orel : Presses universitaires ; Paris : Editions Ellipses, 1995. – 440 p.*
- 8 *www.Larousse.fr/dictionnaires*

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ, ИСПАНСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Изучением вопросов и проблем фразеологии занимались многие выдающиеся учёные как в нашей стране, так и за рубежом: О.С. Ахманова, Ш. Балли, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, А.В. Кунин, В.А. Лебединская, А.И. Молотков, В.М. Мокиенко Т.Г. Никитина, Е.Д. Поливанов, Ф.Н. Попов, А.И. Смирницкий, М.Т. Тагиев, Т.Н. Федуленкова, А.М. Чепасова, Н.М. Шанский и др.

Интерес к теме не случаен. Фразеологизмы играют важную роль в отображении национально-культурных особенностей языка. В них наиболее ярко проявляются характерные черты материальной и духовной жизни носителей языка, которые становятся особенно явственными при переводе на другой язык, являющийся частью иной культуры и иного мировосприятия. При этом возникает сразу два вопроса: 1) как отличить фразеологизм от свободного сочетания слов; 2) как перевести найденный фразеологизм на другой язык. Сложность перевода заключается в том, что, с одной стороны, фразеологизм необходимо перевести так, чтобы он не выглядел чужеродным и непонятным, с другой стороны, эта «адаптация» не должна исказить смысл и стиль оригинала. Решение этих двух вопросов особенно важно в художественной литературе, поскольку неудачный перевод может навсегда оттолкнуть читателя от произведения или привести к неверному его пониманию.

Поэтому как для практики, так и для теории перевода чрезвычайно важен вопрос, связанный с определением самого понятия «фразеологизм» и классификацией фразеологических единиц.

Начиная с последних десятилетий XX века и заканчивая сегодняшним днём, наблюдается постоянный интерес исследователей (например, Casares, 1996, Herrero, 2010, Seco, 2005) к изучению фразеологических единиц в текстах художественной литературы, поскольку именно художественная литература является богатейшим источником изучения фразеологизмов с коммуникативной и прагматической точек зрения, позволяет

составить более глубокое представление о сложной структуре фразеологического образа и значения.

Несмотря на то, что вопросы фразеологии русского языка находят широкое освещение в большом количестве специальных статей, ряде книг и докторских диссертаций, «у русистов до сих пор нет ни единого мнения о том, что такое фразеологизм, ни точного представления, каков состав таких единиц в языке. Перечни фразеологизмов русского языка, предлагаемые разными учёными, настолько отличаются друг от друга, что можно говорить... о различных, часто прямо противоположных, взглядах на фразеологизм, ...о различных взглядах на состав таких единиц в языке; наконец, о нечёткости выделения и разграничения основных понятий, относящихся к этой области знаний» [1, 9-10]. Зыбкость, неопределённость и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований сопряжены с такой запутанностью терминологии, какой нет, вероятно, ни в одном разделе лингвистики.

«В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его компонентов, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость в готовом виде, эквивалентность слову, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуется как "сочетание слов с "переносным значением", "как "устойчивая фраза". Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д.» [1, 10].

Некоторые лингвисты включают в состав фразеологизмов пословицы, поговорки и крылатые слова, афоризмы, различные описательные и аналитические обороты речи, сложные союзы, сложные предлоги, составные термины и т.д. «Отдельные учёные называют фразеологизмами не только словосочетания типа *гнетущая тоска*, *раннее утро*, но даже отдельные слова, такие как *чушь*, *абракадабра* и т.п., то есть то, что называется "однословными идиомами"» [1, 10].

У испанских и французских лингвистов по этому вопросу наблюдается относительное единство во мнении.

До второй половины XVIII века, когда в испанский язык вошло слово *modismo* («фразеологизм»), в том же самом значении использовалось *idiotismo* (от латинского слова *idiotismus*, которое в свою очередь

происходит от греческого слова *idiotismós*, где *idio* – собственный, *ismos* – стиль). Таким образом, *idiotismo* означало *собственный стиль* или *фамильярный язык* [9].

Себастьян Кобаррубиас, автор первого испанского словаря «*Tesoro de la lengua castellana*», определил это слово как *ciertas frases y modos de hablar particulares a la lengua de cada nación que, trasladados a otra, no tienen tanta gracia* («некие фразы и своеобразный говор, имеющие место в языке каждого народа, которые будучи переведёнными на другой язык теряют своё своеобразие») [12, 497] (здесь и далее перевод Т.И. Бусловой).

То же слово с аналогичным определением можно найти во французском словаре: *Idiotisme – forme, locution propre à une langue, intraduisible* («непереводимая форма, своеобразная фраза какого-либо языка») [7, 362].

В настоящее время в испанском языке вместо слова *idiotismo* используют *modismo* у *locución*, во французском – *la locution*.

В современном испанском академическом словаре («*Diccionario de la lengua española*») слову *modismo* дано следующее определение: *expresión fija, privativa de una lengua, cuyo significado no se deduce de las palabras que lo forman* («устойчивое языковое выражение, значение которого не определяется значением слов, его составляющих») [9].

Это как нельзя более соответствует определениям, данным в «Словаре иностранных слов» под редакцией А.Г. Спиркина и «Толковом словаре русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой: «*Фразеологизм – устойчивое сочетание слов, значение которого в целом отличается от простой суммы значений его частей*» [3, 552]; «*Фразеологизм – устойчивое выражение со значением, не выводимым из его частей*» [4, 1057].

По мнению Марии Молинер, автора фундаментального двухтомного словаря испанского языка, фразеологизм – это *locución, o sea, expresión pluriverbal de forma fija que se inserta en el lenguaje como una pieza única* («идиоматический оборот или устойчивое сочетание слов, состоящее из двух и более слов, выступающее в качестве **одной лексической единицы**») [9].

Испанский филолог и лингвист Хулио Касарес (1877– 1964) дал следующее определение фразеологизму: «*todo modismo es una frase proverbial o una locución de la clase significativa y cuyo elemento semántico debe conservar cierta vitalidad en sentido directo o figurado*» («фразеологизм – это пословицная фраза или идиоматический оборот из группы *significante*,

семантический элемент которого **должен сохранять** определённую **устойчивость** в прямом и фигуральном смысле») [9].

В то же время *Locución es una forma de hablar o guiro idiomático que se aparta del uso normal. Sus características esenciales son: **La unidad de forma y de sentido, el alejamiento de la norma gramatical, la riqueza de valores metafóricos particulares, la marginalidad y el arcaísmo*** («Фразеологизм – это форма речи или идиоматический оборот, выходящий за рамки обычного использования. Его основными характеристиками являются: **единство формы и смысла, удалённость от грамматической нормы, метафоричность, маргинальность и архаизм**») [9].

По определению, данному во французском словаре: «*Locution – Groupe de mots figé ou relativement stable ayant la même fonction qu'un mot*». («Фразеологизм – **устойчивое** или относительно устойчивое сочетание слов, выполняющее **функцию одной лексической единицы**») [7, 423].

Сопоставимость определений фразеологизма, приведённых выше, можно наглядно увидеть в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение определений термина «фразеологизм» в русском, испанском и французском языках

Критерии	Словари		
	Русские	Испанские	Французские
Устойчивое сочетание слов	+	+	+
Единая лексическая единица	+	+	+

Если учесть, что фразеологический оборот может претерпевать изменения, при которых происходят замена или вклинивание лексического компонента, а также морфемные трансформации компонентов, то определение фразеологизму, данное во французском словаре, представляется наиболее точным: *фразеологизм – это устойчивое или относительно устойчивое сочетание слов, выполняющее функцию одной лексической единицы.*

В своей книге А.Г. Назарян отмечает, что «ещё в XVI веке французский филолог А. Этьен писал о способности фразеологизмов в сжатой форме выразить сложное и ёмкое понятие.

Теоретики XVIII века считали тропы, в том числе фразеологизмы, важным фактором формирования абстрактной мысли, отмечая, что

образное выражение – это "составная часть мысли, которая, будучи соотносённой с самой действительностью, представляется более правдивой и более искренней"» [2, 30].

Огромное количество и разнообразие фразеологизмов, используемых в художественной литературе разных народов, требует их пристального изучения с тем, чтобы делать адекватные переводы, способные передать не только стиль произведения, но и мысль автора, поскольку, как метко заметил Г. Гобеленц, *«языком человек не только выражает что-либо, он им выражает самого себя»* [2, 31].

Таким образом, фразеологизм не только придаёт речи образность и эмоциональную окраску, формируя стиль произведения, но и выражает суть персонажей и самого автора. Кроме того, иностранные фразеологизмы, переведённые калькированием, имея возможность затеряться среди свободных словосочетаний, могут использоваться писателем для сокрытия истинного смысла произведения, дабы избежать, например, неприятностей, связанных с цензурой.

«Из этого следует, что эмоциональное и экспрессивное в языке так же важно, как рациональное и логическое. Если с этих позиций подойти к вопросу о месте и роли фразеологии, то станет ясно, что фразеологизмы – отнюдь не "языковые излишки", а важные средства выражения, без которых не может обойтись не один язык» [2, 31].

Для возможно более полного понимания замысла автора произведения, глубокой оценки стиля, выявления особенностей языка, на котором написано произведение, правильного перевода и пр. требуется классификация фразеологизмов.

Классификация фразеологических единиц может быть построена по различным признакам. Так, фразеологизмы в языке могут быть разделены по их функциям в языке, по грамматической структуре, по степени смысловой взаимосвязанности компонентов, по принадлежности к частям речи и др. Выбор классификации зависит от цели проводимого исследования.

При рассмотрении способов перевода фразеологических единиц с одного языка на другой (например, с испанского на французский и русский) желательно пользоваться сопоставимыми классификациями.

Например, схема классификации испанских фразеологизмов, предложенная Хулио Касарес, выглядит следующим образом (рисунок 1).

Geminadas: tren
botijo

Denominativas

Complejas: tocino del
cielo

Nominales Singulares: la carabina de Ambrosio

Infinitivas: cocer y cantar

Adjetivales: de brocha gorda

Verbales: tomar el olivo

Significantes

Participiales: hecho un brazo de mar

Adverbiales: en un santiamén

Pronominales: cada quisque

Exclamativas: ¡ancha es Castilla!

Conexivas

Conjuntivas: con tal que

Prepositivas: en pos de

Рисунок 1 - Классификация фразеологизмов по Хулио Касаресу [6]

В одном из электронных учебников французского языка «Grammaire» [14] в разделе «La locution» приводится классификация, аналогичная испанской (таблица 2).

Французские фразеологизмы класса «déterminative» в испанской классификации относятся к классу «pronominales», поскольку «*Los adjetivos pronominales, también conocidos como determinativos son un tipo de pronombres que a diferencia de éstos no sustituyen a los sustantivos, sino que los acompañan y los complementan*» («*los adjetivos pronominales*, известные также под наименованием «*determinativos*», – тип местоимений, которые в отличие от последних, используются в сочетании с существительными, дополняя, но не заменяя их») [13].

Таблица 2 – Классификация фразеологизмов во французском языке

locution nominale	<i>pomme de terre, Moyen Âge.....</i>
locution déterminative	<i>n'importe quel...</i>
locution adjective	<i>en amande, comme il faut...</i>
locution pronominale	<i>quelque chose...</i>
locution verbale	<i>savoir gré, rendre visite...</i>
locution adverbiale	<i>en vain, tout à coup...</i>
locution prépositive	<i>en cas de, afin de...</i>
locution conjonctive	<i>dès que, au cas où...</i>
locution interjective	<i>tonnerre de Brest ! à vos souhaits...</i>

В русской лингвистике классификация, предложенная Хулио Касарес, сопоставима с классификацией, предложенной А.М. Чепасовой, состоящей из девяти классов [5, 6 – 41].

Отличие этих двух классификаций заключается в следующем: то, что в классификации А.М. Чепасовой относится к классу фразеологических частиц, в классификации Касареса включается в один из классов группы «*conexivas*».

Местоименные фразеологизмы, имеющие место в испанской и французской классификациях, А.М. Чепасова относит к предметным или к призначным в зависимости от перевода.

Таблица 3 позволяет сопоставить между собой все три классификации: русскую, французскую и испанскую.

Следует признать, что рассмотренные системы классификации универсальны, поскольку они охватывают все возможные фразеологизмы в любом из названных в настоящей статье языков, разбивая их на классы, и в этой разбивке есть логика, заключённая в самих названиях классов. Кроме того, каждый класс в этих системах может быть разбит на подклассы, а те, в свою очередь, на группы и подгруппы, что наглядно видно из приведённой выше схемы Хулио Касарес. Поэтапная разбивка позволяет оптимизировать процесс выделения исследуемых фразеологизмов из общего состава фразеологизмов.

Таблица 3 – Сравнительная таблица классификаций фразеологизмов в русском, испанском и французском языках

Классификация		
Русская	Испанская	Французская
Предметные	Nominales	Nominales
Процессуальные	Verbales	Verbales
Призначные	Adjetivales	Adjetivales
Качественно-обстоятельные	Participiales Adverbiales	Adverbiales
Количественные	–	–
Релятивные	Prepositivas	Prepositives
Связующие	Conjuntivas	Conjonctives
Фразеологические частицы	–	–
Модальные	Exclamativas	Interjectives
–	Pronominales	Pronominales Déterminatives

Список литературы

- 1 Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л. : Наука, 1977. – 284 с.
- 2 Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1976. – 288 с.
- 3 Словарь иностранных слов / отв. ред. А.Г. Спиркин. – М. : Русский язык, 1979. – 624 с.
- 4 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
- 5 Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск : Изд-во ЧПГУ, 2006. – 144 с.
- 6 Casares Julio: Intraducción a la lexicografía moderna. 2^a ed. (20 tirada). – Barcelona, 1996.
- 7 Dictionnaires LE ROBERT-SEJER. – Paris, 2014.
- 8 Herrero, Juan Hernandez: El léxico de El Quijote. – Barcelona : Ediciones Carena, 2010. – 200 с.

- 9 *Pérez Rioja José Antonio: Modismos del español. – Salamanca : Depósito legal : S-623, 1997. – 302 с.*
- 10 *Seco Manuel: Diccionario fraseológico documentado del español actual. – Madrid : Santillana Ediciones Generales, 2005. – 1086 с.*
- 11 *Diccionario de la lengua española (DRAE). URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> (дата обращения: 06.02.2015).*
- 12 *Covarrubias, Sabastián de: Tesoro de la lengua castellana o española. – Madrid, 1611. URL: <http://fondosdigitales.us.es/fondos/libros/765/16/tesoro-de-la-lengua-castellana-o-espanola/> (дата обращения: 06.02.2015).*
- 13 *Ejemplo de Adjetivos Pronominales. URL: http://www.ejemplode.com/12-clases_de_espanol/3012-ejemplo_de_adjetivos_pronominales.html (дата обращения: 06.02.2015).*
- 14 *Grammaire: La locution. URL: <http://la-conjugaison.nouvelobs.com/regles/grammaire/les-locutions-225.php> (дата обращения: 06.02.2015).*

О.Н. Горева, М.Н. Возилова
Кафедра «Французская филология»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНЫХ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ «ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современных исследованиях по фразеологии большое внимание уделяется семантическим свойствам фразеологических единиц. Достаточно часто рассматриваются фразеологизмы, имеющие в своем составе какой-либо общий компонент, например, ФЕ с компонентом-флоронимом, зоонимом, орнитонимом, соматизмом и т.д. Семантические и синтаксические характеристики данных фразеологических единиц широко представлены в научной литературе.

В основу нашего исследования легли фразеологизмы с компонентом «часть тела животного» (или «зоосоматизмом»). Компонент «зоосоматизм» может быть выражен лексемами, обозначающими различные части тела животного. Наибольшей фразеобразовательной активностью во французском языке обладают такие лексемы, как *bec* (клюв), *patte* (лапа),

queue (хвост), plume (перо). Остановимся более подробно на предметных фразеологизмах. Можно выделить две основные субкатегории, следуя классификации А.М. Чепасовой [1]: ФЕ, обозначающие одно лицо или несколько лиц, и ФЕ, обозначающие предметы неживой природы. Особенностью данных фразеологических единиц является то, что несмотря на наличие в их составе компонента-зоосоматизма почти все выявленные фразеологизмы употребляются для обозначения каких-либо качеств человека. «... при создании ФЕ во многих языках мира дефицит соматизмов человека компенсируется соматизмами животных...» [2].

Фразеологические единицы с компонентом-зоосоматизмом могут характеризовать человека по:

- 1) свойствам характера, например: *bec bien affilé* – человек, который всегда может ответить, болтливый человек, *saquet bon bec* – болтливая женщина, *bec pince* – человек с претензиями:

*Homère est aveugle, mais peut très bien écouter et écrire, il a le **bec bien affilé*** – [<http://www.duckomenta.de/contenu/raum2-5.htm>];

- 2) привычкам и пристрастиям, например: *fin bec* – гурман, *le bec sucré* – сладкоежка, *bec à boisson* – пьяница:

Qui peut résister à une mousse au chocolat, un muffin, des pancakes, une tarte aux fraises...? Certainement pas nous ! Alors, il est temps pour tous les becs sucrés de profiter des recettes gourmandes de nos Chefs. [www.atelierdeschefs.fr/fr/bec-sucree.php];

- 3) роду профессиональной деятельности, например: **un homme de plume** – писатель, *bec de gaz* – полицейский. В данной субкатегории также можно выделить ФЕ с положительной или отрицательной коннотацией, например: *homme au poil et à la plume* – на все руки мастер, *condottière de plume* – разбойник пера, *forban de plume* – продажный писака:

Marc Lescarbot (vers 1570-1641). un homme de plume au service de la Nouvelle France [<http://www.amazon.fr/lescarbot-1570-1641-homme-service-nouvelle-France/dp/2745306251>];

- 4) внешнему виду, например: *saucisson à pattes* – толстый коротконогий человек, *pattes d'oie* – морщинки у глаз, *ails de corbeau* – черные волосы, как вороново крыло, *comme un pierrot sans plumes* – как общипанный цыпленок:

C'est un être jaune, petit, à mi-chemin entre le saucisson à pattes et le boudin debout, il est de couleur jaune vif...

[<http://www.missbobby.net/cinema/dictionnaire-du-minion-a-usage-public.html>].

Что касается фразеологических единиц, обозначающих предметы неживой природы, то нужно отметить, что эти ФЕ в первую очередь называют предметы, имеющие отношение к человеку или связанные с его деятельностью:

- 1) ФЕ, обозначающие одежду, внешность человека, например: *pattes d'éléphant* – брюки-клеш, *habit à queue de morue* – фрак, *boîte à cornes* – шляпа, **queue de vache** – рыжая коса и др.:

Même que sa perruque couleur queue de vache, m'est restée dans la main au moment où je l'alpaguais par les tifs !

[<http://www.languefrancaise.net/Bob/47749>];

- 2) ФЕ, обозначающие отвлеченные понятия, например: *corne d'abondance* – рог изобилия, *queue de diable* – тайные козни, *queues de cerise* - пустяки и др.:

Un bazar de rêve aux prix défiants toute concurrence, une corne d'abondance d'autant plus miraculeuse que la quasi-totalité de ces produits arrivent directement d'Algérie où ils sont souvent introuvables, et toujours inabordables pour le commun
[<http://dictionnaire.reverso.net/francaisdefinition/corne%20d'abondanc>].

Среди предметных фразеологических единиц нами были обнаружены только две ФЕ, обозначающие понятия зоомира: *monde du poil et de la plume* - мир зверей и птиц, *bec d'acier* – вошь.

В рассматриваемых фразеологических единицах «зоосоматизм» может выступать как в качестве главного, так и в качестве зависимого компонента. Например, ФЕ, где главным компонентом является лексема «bec», отражают чаще всего способность человека говорить, ФЕ с компонентом «queue» называют предметы одежды.

Таким образом, мы можем отметить, что большая часть выявленных предметных ФЕ с компонентом «зоосоматизм» несет антропоцентрическую направленность и содержит метафору, где части тела человека уподобляются различным частям тела животного, что позволяет более образно отразить различные качества человека, особенности его внешности и поведения.

Список литературы

- 1 Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов : учеб. пособие. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. пед. ин-та, 2006. - 144 с.
- 2 Киров Е.Ф., Русецкая Й.Я. Концепты «душа», «тело» во фразеологических единицах русского языка (с привлечением литовских параллелей) // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2012. - № 1(8). – С. 8-18.
- 3 Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В.Г. Гака. – М. : Русский язык медиа, 2005. – 1625 с.

С.П. Иванова

Кафедра «Французская филология»

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Чтение является одним из четырех видов речевой деятельности, необходимых для изучения иностранного языка. Это рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание написанного текста. Чтение текстов на иностранном языке является не только источником знаний о стране изучаемого языка, ее культуре, но и средством обучения языку. Чтение присутствует уже на первых занятиях и постоянно сопровождает процесс изучения языка.

Умение читать складывается из техники чтения (правильного озвучивания, произношения слов, словосочетаний, предложений и уяснения их значений) и понимания прочитанного. Пока техника чтения не освоена обучаемыми, предложение, мысль остаются для них трудным объектом для понимания. «Зрелое» чтение включает в себя умение пользоваться словарем, грамматическим справочником, опираться на чувство языка, языковую догадку.

На начальном этапе обучения внимание обучаемых часто приковано к технике чтения, а связи между словами, значение отдельных слов и предложений, сочетание всего читаемого отрывка часто не улавливаются. Нередко обучаемые не понимают содержания, так как поглощены самим

процессом и формой. Выработка навыков адекватного произношения, умения правильно читать текст с соблюдением смысловых пауз и ударений имеет большое значение, но главная задача преподавателя уже с первых занятий иностранным языком – прививать навык понимания читаемого уже в процессе первичного чтения.

В современной методике различают несколько видов чтения. По форме выделяют аналитическое и синтетическое чтение. Аналитическое чтение является учебным видом чтения, при котором внимание обучаемого направлено на детальное восприятие текста с анализом языковой формы. Задача синтетического чтения – охватить целое, понять текст без предварительного анализа лексики, грамматических форм, без перевода на родной язык. Такое понимание происходит на базе изученных грамматических явлений и в основном за счет знакомой лексики.

Мы считаем, что нужно тщательно подготавливать первичное чтение, особенно на начальном этапе, разъясняя значение заглавия, которое часто отражает содержание читаемого, объясняя незнакомые слова и словосочетания, записывая их на доске, предлагая обучаемым разъяснение трудных синтаксических конструкций. Текст можно рассматривать как заключительное упражнение, направленное на развитие устной речи. На начальном этапе обучения сначала преподаватель читает текст – так называемое образцовое чтение, потом текст читают сильные ученики. Только после такой предварительной работы, подготовившей возможность следить за содержанием, смыслом читаемого, предлагается прочитать текст всем обучаемым «про себя».

На более поздних этапах обучаемые могут читать текст «про себя» или вслух самостоятельно. При этом нежелательно пользоваться словарем: обучаемые должны выработать умение улавливать общее содержание, пропуская сначала незнакомые слова. После прочтения всего текста можно перейти к его обсуждению. В практике работы хорошо себя зарекомендовали (особенно на начальном этапе обучения) такие упражнения на проверку понимания прочитанного, как: 1) на доске записывается ряд предложений; студенты должны найти в тексте соответствующие им по смыслу; 2) преподаватель читает предложение, а обучаемые должны сказать, отвечает ли оно содержанию текста; 3) деление текста на смысловые части; 4) передача общего содержания прочитанного в нескольких фразах; 5) пересказ текста по опорным словам и др.

Навыки синтетического чтения на иностранном языке можно развивать не только путем изучения учебных материалов и эпизодического чтения рассказов и статей в аудитории. Мы считаем, что без чтения дополнительной литературы (домашнее, внеаудиторное чтение) обучаемые не приобретут навыков беспереводного чтения оригинальных текстов (художественных, научно-популярных, специальных, общественно-политических и др.) Привитие навыков самостоятельного чтения текстов на иностранном языке, предварительно не проработанных в аудитории, является важной задачей обучения, решаемой на начальном этапе при участии преподавателя.

Мы полагаем, что первоначальные навыки чтения с пониманием, чтение с предугадыванием смысла всего текста лучше всего вырабатываются на адаптированных маленьких текстах, по возможности содержащих яркую мысль, какую-то оригинальность или важную информацию. Используя подобные тексты для обучения чтению, легко организовать по ним беседу-обсуждение, применить их для развития навыков устной речи, т.е. это является хорошим материалом для перехода от учебной коммуникации к естественному общению, к использованию языка для самовыражения.

Обучая чтению, преподаватель должен воспитывать у обучаемых мнение, что к словарю следует обращаться лишь тогда, когда без понимания значения часто повторяющегося слова непонятен смысл читаемого, что о значении слова можно догадаться, не заглядывая в словарь, и не следует тратить время на «уточнение» значений всех слов. Обучаемые должны свыкнуться с мыслью, что они могут понять иноязычный текст, несмотря на некоторые языковые трудности и наличие неизученных слов и грамматических конструкций.

Список литературы

- 1 Гальскова Н.Д. *Современная методика обучения иностранным языкам.* – М. : АРКТИ, 2008. – 165 с.
- 2 *Обучение иностранным языкам в школе и вузе.* – СПб. : Каро, 2001. – 240 с.
- 3 Рубакин Н.А. *Психология чтения и книги.* – М. : Книга, 1977. – 157 с.
- 4 Фоломкина С.К. *Методика обучения чтению на английском языке в неязыковом вузе.* – М. : Высшая школа, 1980. – 259 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

По данным нашей картотеки, наиболее многочисленными среди фразеологизмов в произведении А.И. Солженицына оказались единицы с процессуальным значением (131 единица), фразеологизмы других семантико-грамматических классов малопродуктивны: *деваться некуда, всю душу повело, не чувствуя рук, успокоить душу, оскалить зубы, таить надежду, поднять хвост, перевести дух, иметь право, держать голову поникшей* и др. Например:

«Шаг вправо, шаг влево – считается побег, конвой *открывает огонь* без предупреждения»

Процессуальный фразеологизм, являясь предикативным центром предложения/высказывания, как и глагол-предикат, характеризует семантический субъект действия с различных сторон, отражающих конкретные виды человеческой деятельности, они презентируют психическое и физическое состояние лица, его мыслительную и речевую деятельность, активную физическую, социальную деятельность, выражают определенные отношения, складывающиеся между членами социума.

Процессуальные фразеологизмы занимают важное место в повествовательной структуре художественного текста. Они способствуют созданию образа автора, обеспечивают продвижение изображаемого действия во времени и пространстве.

Процессуальные фразеологизмы в произведении А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» чаще всего содержат в семантической структуре сему деятельности (80 ФЕ) и состояния (39 ФЕ), реже – сему отношения (12 ФЕ).

Субкатегория деятельности объединяет процессуальные фразеологизмы, обозначающие разнообразную деятельность субъекта-человека (*зариться на чужое, качать права, тянуть работу, ломать спину* и др.). Субъектом процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности всегда является человек, который активно, осознанно, целе-

направленно, прилагая волю производит какие-либо действия, направленные на какой-либо объект:

Всегда Шухов *по подъему вставал*, а сегодня не встал.

Во фразеологизмах субкатегории деятельности выделяется 5 групп.

Первую группу (50 единиц) образуют фразеологизмы, обозначающие поведение человека как деятельность: *зариться на чужое, в беде не бросить, авторитет держать, дать показуху, жить для себя, из рук хватать, качать права, на боку лежать, о себе думать, себя не ронять, себя сберечь, соблюдать порядок* и др. Например:

Он-то бы сам не стал миски косить, ему, как помбригадиру, *авторитет надо держать*, ну, а тут повторил за Шуховым, на него же и свалить можно.

Во вторую группу входят фразеологизмы, обозначающие мыслительно-речевую деятельность. По данным нашей картотеки, таких фразеологизмов 10: *отвлечь мысли, упереться в мысли, знать напрожог, уйти в думки, думать про себя* и др.

А сегодня пригнулись все, каждый за спину переднего хоронится, и *ушли в свои думки*. Каждый *в мысли свои уперся*, молчит.

К третьей группе относятся фразеологизмы со значением конкретной физической деятельности (5): *вставать к параше, вставать по подъему, горло прочистить, наломать спину, работу тянуть* и др.

Звон утих, а за окном все так же, как и среди ночи, когда Шухов *вставал к параше*, была тьма и тьма, да попадало в окно три желтых фонаря два – на зоне, один – внутри лагеря.

Четвертая и пятая группы (единицы со значением военной деятельности и движения, перемещения в пространстве) немногочисленны: *открыть огонь; валом повалить*.

Шаг вправо, шаг влево считается побег, конвойный *открывает огонь* без предупреждения!

Теперь уж и без Гопчика видать: не только все бригады инструмент отнесли, а *валом повалил* народ к вахте.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния отличаются одним общим признаком – пассивностью субъекта процесса. Ядром анализируемой субкатегории являются процессуальные фразеологизмы пси-

хического состояния (33), затем следуют процессуальные фразеологизмы социального состояния (20) и на периферии располагаются процессуальные фразеологизмы физического состояния (10).

Семантика психического состояния создает группу, в которой объединены фразеологизмы со значением психического состояния субъекта-лица: *всю душу повело, было не по себе, спереть дух, успокоить душу, глаза горят, держать голову поникшей, внутри клешнями сжало* и др.:

А иной раз подумаешь – *дух соплет*: срок-то ж кончается, катушка-то на размоте...

Вторая группа объединяет фразеологизмы, которые обозначают социальное состояние субъекта – живого существа (20): *попасть в плен, вернуться в строй, деваться некуда* и др. Например:

Потом *в плен попал*, бежал три раза, излавливали, сунули в Бухенвальд.

Третья семантическая группа процессуальных фразеологизмов обозначает физическое состояние одушевленного лица или неодушевленного предмета. Эта группа является самой малочисленной и включает 10 фразеологизмов: *забить в ознобе, не чувствовать рук, валиться с ног, тянуть спину, в чем душа держится, язык не ворочается* и др.:

Рук не чувствуя, с дымящимся ведром Шухов вернулся в надзирательскую и сунул руки в колодезную воду.

Субкатегориальная сема отношения характерна в меньшей степени для процессуальных фразеологизмов в произведении А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Субъект-лицо этих фразеологизмов менее активен по сравнению с процессуальными фразеологизмами субкатегории деятельности; в роли объекта выступает также лицо, потому что описываемые фразеологизмы обозначают отношения между лицами. Объект процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения является членом отношения: он не подвергается целенаправленному воздействию со стороны активного субъекта-лица.

К первой группе единиц субкатегории отношения относятся фразеологизмы со значением доминантных отношений (17): *оторвать голову, жизни держать, лишать прав, выгонять на работу, проводить проверку, хвост поднять, шкуру снять* и др. Например:

- Подумай, *голову оторву!*

Вторая, немногочисленная, группа включает в себя три фразеологизма со значением товарно-денежных отношений: *платить алименты, грести деньги, совать на лапу*:

И ездят они по всей стране и даже в самолетах летают, потому что время свое берегут, а *деньги гребут* тысячами многими, и везде ковры маляют.

Фразеологизмы являются одним из ярчайших средств, формирующих идиостиль писателя. Они способны сделать повествование более красочным и образным.

По характеру использования процессуальных фразеологизмов можно судить о языковой картине мира автора, так как система этих единиц позволяет получить более полное представление о фразеологическом мире в произведении А.И. Солженицына.

Автор наиболее часто использует процессуальные фразеологизмы для характеристики поведения персонажей:

Те-то *себя сберегают*. Только береженье их – на чужой крови.

- Вот что... Николай Семеныч... я вроде это... болен... - совестливо, как будто *зарясь* на что *чужое*, сказал Шухов.

Второй по продуктивности в произведении А. Солженицына является группа процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния. Автору важно отразить в художественных образах состояние своих героев:

А иной раз подумаешь – *дух сопрет*: срок-то все ж кончается, катушка-то на размоте...

Он в бригаде одного кавторанга и придерживается, больше ему не с кем *душу отвести*.

Процессуальные фразеологизмы в произведении А. Солженицына имеют разную стилистическую окраску. Они делятся на две группы: межстилевые и разговорно-просторечные.

Межстилевые процессуальные фразеологизмы преобладают в рассказе А. Солженицына. Они формируются на основе общеупотребительной лексики, а также путем нейтрализации фразеологических единиц книжной и разговорной окраски (*дать работу, дать слово, отбывать срок, иметь право, вести счет, иметь совесть, иметь доступ* и др.).

В произведениях автора они употребляются как средство наименований процессов реальной действительности, хотя и в этом случае оживляют текст:

Но, давно в штабном бараке обжившись, он *доступ имел* в кабинеты майора, и начальника режима, и кума, услуживал им, порой слышал такое, чего не знали и надзиратели.

В Бухенвальде чудом смерть обманул, теперь *отбывает срок* тихо.

Разговорно-просторечные процессуальные фразеологизмы активно используются в произведении А. Солженицына. Они отличаются богатством эмоционально-экспрессивных оттенков: *давать показуху, грести деньги, вкалывать на совесть, хватать из рук, бить на жалость, гнуть свое* и др.

Подобными фразеологическими единицами, обладающими сниженной стилистической окраской, писатель придает произведениям шутливый тон, непринужденность:

Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – *качество дай*, для начальника делаешь – *дай показуху*.

И ездят они по всей стране и даже на самолетах летают, потому что время свое берегут, а *деньги гребут* тысячами многими, и везде ковры маляют.

Процессуальные фразеологизмы в произведении А. Солженицына используются как заменители слов, обладающих низкой степенью коннотации, отчего усиливается экспрессивность речи героев или автора, речь становится живой, красочной и эмоциональной.

О.А. Казенас, А.А. Розальева
Кафедра «Французская филология»

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ AMOUR / ЛЮБОВЬ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. БЕГБЕДЕРА «ЛЮБОВЬ ДЛИТСЯ ТРИ ГОДА». ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Любовь – это одно из немногих явлений, с которым каждый из нас сталкивается хотя бы раз в жизни. Феномен любви вызывал спор у философов еще в античные времена. На протяжении веков в мировой литера-

туре создавались произведения, главной темой которых являлась любовь. Именно любовная тематика послужила основой возникновения такого жанра литературы, как сентиментальный роман в России, рыцарский и куртуазный романы в Европе, а борьба между долгом и чувством становится ключевым моментом в произведениях драматургии.

Понятие «любовь» является универсальным в мировой культуре, что свидетельствует о его принадлежности сразу к нескольким гуманитарным наукам.

Наиболее распространенными стали исследования данного феномена в рамках лингвокультурологического, психолингвистического и когнитивного направлений. Исследователь А.И. Фофин выявил способы репрезентации эмоционального состояния любви во французском языке. Л.В. Какабадзе описал лексико-семантическое поле понятия «любовь» в современном французском и грузинском языках. В последнее десятилетие понятие «любовь» исследуется в этнолингвистике и славистике в синхроническом и диахроническом аспектах на базе восточнославянских языков (О.В. Герасимович), а также в категориях буддийской культуры (А. Черепанов) и антропологии (Х. Фишер, биохимическая теория любви).

Психолингвистические и гендерные подходы при исследовании понятия «любовь» позволяют изучить обобщенные ассоциативные прототипы любви и ее видов (Л.Е. Кузнецова). Тема любви становится предметом исследования в феминистической и эмотивной лингвистике и связана с категорией эмотивности (В.И. Шаховский). Остается спорным вопрос определения понятия «любовь» как эмоции или чувства. Л.Е. Вильмс, исследуя лингвокультурологическую специфику концепта «любовь» в русском и немецком языках, разграничил понятия «чувства» и «эмоции».

Цель данной статьи – рассмотреть лексические средства отражения темы "любви в произведении современного французского писателя Фредерика Бегбедера «Любовь длится три года».

Романы Фредерика Бегбедера затрагивают важную проблему современности – человек в постиндустриальном социуме. Один из своих романов «99 франков» (2000) Ф. Бегбедер посвятил критике рекламного бизнеса, работа в котором наложила заметный отпечаток на стиль автора. Язык произведений Ф. Бенгбедера не только метафоричен и афористичен, но и краток и лаконичен, как рекламный слоган. Бросая осуждающий взгляд на

современное французское общество, автор прибегает к использованию «скрипучего юмора» («humour grinçant») в повествовании [1, 3].

В качестве творческого метода автор использует гиперреализм. В произведениях Ф. Бегбедера присутствует предельный натурализм описаний, автор уделяет должное внимание внешним проявлениям человеческого бытия. Гипертрофированное изображение деталей свидетельствует о пренебрежительном отношении автора к реальной действительности.

Произведение Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» (1997) завершает трилогию, повествующую о Марке Мароннье, убежденном в скоротечности любви, но не перестающим ее искать. Ирония, цинизм, элементы «черного юмора», а также личные переживания автора переплетены в сюжетной линии романа. События в романе не выстроены в хронологической последовательности, но, с другой стороны, «возвращение в прошлое» («flash-back») способствует динамичности повествования. Ф. Бегбедер поднимает актуальную для литературы 70-х годов XX века, но забытую в наши дни, тему общества потребления, говоря о «продажности любви».

Для выявления лексических средств отражения темы любви в произведении Ф. Бегбедера мы использовали метод контент-анализа, материалы словаря Национального центра лингвистических исследований [3]. Количественная обработка результатов подкреплялась использованием программы TROPES [4].

Согласно данным программы TROPES, появление слова «amour» варьируется в тексте произведения Ф. Бегбедера от 114 до 147 раз (эта разница возникает за счет употребления однокоренных слов), т.е. оно является наиболее частотным в употреблении, что обусловлено тематикой самого произведения. Наряду с лексической единицей «amour» используются и другие слова, входящие в исследуемое ассоциативное поле.

Словарь синонимов, размещенный на сайте Национального центра лингвистических исследований, приводит 97 лексических единиц, составляющих ассоциативное поле «amour». Сплошная выборка в сочетании с данными программы TROPES показали, что ассоциативное поле «amour» в произведении Ф. Бегбедера включает 40 лексических единиц. Казалось бы можно сделать вывод о более узком представлении темы «amour» в художественном произведении. Более того, при сопоставительном анализе выяснилось, что общими для словаря синонимов и художественного произведения являются только 7 лексических единиц (таблица 1).

Таблица 1 – Сопоставление лексических единиц, составляющих ассоциативное поле «amour» в словаре синонимов и в романе Ф. Бегбедера «Любовь живет три года»

Источник	cnrtl. fr	Количество словоупотреблений в произведении
	passion	14
	tendresse	6
	cœur	10
	liaison	3
	plaisir	12
	mariage	36
	baise	5
Общее количество	97	40

В первой колонке слова указаны в порядке уменьшения частотности. Таким образом, наиболее близким по значению со словом «amour» является «passion» (страсть), но в тексте произведения оно употребляется всего 14 раз. Напротив, слово «mariage» (брак) находится в конце ассоциативного ряда понятия «amour», но частотность его употребления в тексте одна из самых высоких. Исходя из данного наблюдения, мы можем сделать вывод, что для Ф. Бегбедера в понимании «amour» ключевую роль играет «брак».

Однако более глубокий анализ показал, что ассоциативное поле понятия «amour» в произведении Ф. Бегбедера намного шире и противоречивее, чем данные словаря Национального центра лингвистических исследований.

Понятие «amour» у Ф. Бегбедера связано прежде всего с конкретными людьми: «*Alice* et moi avons eu une liaison extraconjugale. C'est ainsi qu'on appelle les plus belles passions romantiques, à notre époque». Имя возлюбленной Марка Мароннье занимает настолько важное место в его жизни («J'ignorais que ce prénom prendrais une telle place dans ma vie»), что без любви Алис она лишена всякого смысла и напоминает зал ожидания: «Sans toi, ma vie est *une salle d'attente*» [2, 143-144].

Автор акцентирует внимание читателя на том, что современное западное общество навязывает (диктует) нам схему поведения, которой мы должны следовать в течение нашей жизни. Любовь и брак выступают оче-

редным этапом в жизни человека наряду со сдачей экзамена на степень бакалавра или получением водительских прав. Поэтому согласно ироничным наблюдениям автора брак оказывается наилучшим способом, чтобы уничтожить истинную любовь: «On se marie exactement comme on passe son baccalauréat ou son permis de conduire : c'est toujours le même moule dans lequel on veut se couler pour être normal, normal, NORMAL, à tout prix. <...> Et c'est le meilleur moyen de ruiner un amour véritable» [2, 48].

В начале романа «Любовь живет три года» автор уверен в скоротечности любви, ограничивая срок ее действия тремя годами: ««La société vous trompe: elle vous vend le grand amour alors qu'il est scientifiquement démontré que ces hormones cessent d'agir après *trois ans*». Однако к кульминации повествования авторская позиция заметно меняется: Ф. Бегбедер приходит к выводу о том, что «любовь длится только тогда, когда каждый знает ее цену» (L'amour ne dure que si chacun en connaît le prix) (перевод наш. – О.К., А.Р.). Время перестает играть решающую роль для главного персонажа Марка Мароннье, который хочет, чтобы время остановилось и любовь стала вечной: «On veut que le temps s'arrête, que l'amour soit éternel, que rien ne meure jamais, pour se prélasser dans une perpétuelle enfance dorlotée» [2, 187].

Своеобразным символом «долговечности» любви выступают ручные часы, которые повествователь снимает, подводя итог: «Для того, чтобы любовь длилась вечно, достаточно жить вне времени» («Pour que l'amour dure toujours, il suffit de vivre hors du temps») (перевод наш. – О.К., А.Р.).

По мнению автора, любовь может выступать источником проблем: «Je pense que mon **problème**, c'est que je tombe amoureux, mais j'arrive pas à le rester».

Так, автор определяет любовь как «битву, проигранную заранее» («L'amour est un combat perdu d'avance») или «единственное запрограммированное разочарование, единственное предполагаемое несчастье, о котором мы снова просим» («L'amour est la seule **déception programmée**, le seul **malheur prévisible** dont on redemande») (перевод наш. – О.К., А.Р.).

Однако Ф. Бегбедер убежден в том, что сила любви спасет мир: «... on est conscient que la force de cet amour sauvera le monde, oh nous sommes effroyablement heureux...» [2, 165].

Кроме того, в произведении используются лексические единицы, связанные со страданием, однако частотность их употребления остается

достаточно низкой, что позволяет нам говорить о том, что для автора любовь - чувство, вызывающее, прежде всего, положительные эмоции, а отрицательные связаны с разочарованием, отчаянием главного героя: «*Et je serrais contre mon cœur cette pieuvre molle, puis je lui faisais un baiser mouillé de tristesse et de dépit*» [2, 55].

В тексте произведения автор неоднократно выражает мысли о смерти и склонности к суициду из-за неразделенной любви. Но слова с семантикой «mort» (смерть) употребляются часто в переносном смысле: «*Les gens n'ont pas conscience que je suis mort de chagrin, car j'ai toujours été assez maigre, même quand j'allais bien*» [2, 132].

В описании явления любви автор уделяет большое внимание сексуальной тематике, выделив отдельную главу под названием «Chapitre très sexe», в которой рассматривает, как проявляется сексуальное воспитание в современном обществе: «*Sur le sexe comme sur le mariage rien n'a bougé d'un millimètre depuis un siècle*» [2, 103].

Анализ лексических средств отражения темы «amour» в произведении Ф. Бегбедера «Любовь длится три года» позволил составить фреймовую модель, которая раскрывает своеобразие картины мира писателя.

В составе фрейма «amour» были выделены 16 слотов (таблица 2).

Самым многочисленным и развернутым является слот «sexe», который содержит 15 лексических единиц, а частотность их употребления в тексте произведения Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» одна из самых высоких (140 словоупотреблений). Это доказывает, что для автора-мужчины при описании понятия «amour» сексуальная тематика является достаточно значимой.

Слот «биохимические процессы в организме человека» состоит из 10 лексических единиц, однако частотность их употребления достаточно низкая (15).

Слот «психическое отклонение» имеет в своем составе одно слово (narcissisme), которое встречается в тексте два раза.

Как видно, структура и состав слотов отличаются неоднородностью: при высоком наполнении слота лексическими единицами мы обнаружили низкую частотность их употребления в тексте и наоборот. Исходя из этого, мы пришли к выводу, что для автора понятие «amour» является очень неоднозначным.

Таблица 2 – Состав и структура фрейма «любовь» в модели мира Ф. Бегбедера на примере произведения «Любовь живет три года»

Слот «amour»
amour (147) aimer (63), (ré)tomber amoureux (22), avouer (2)
Слот «passion»
passion (14), exaltation (1), désir (6), frisson (1)
Слот «sentiments du bonheur»
bonheur (17), rendre heureuse (4), plaisir (11), allégresse (2), euphorie (1)
Слот «sexe»
faire l'amour (103), prendre qqn (2), sexe (8), baiser (5), sucer (1), se faire enfoncer (1), lécher (3), capote (2), se masturber (2), se branler (3), être libidineux (1), orgasme (3), bander (4), spermage (1), brancher (1)
Слот «mariage, relations conjugales»
se marier (5), mariage (27), épouser, époux (11), couple (12), la «légitime» (1)
Слот «souffrance»
souffrir (10), douleur (6), torture (3), malheur (11), manquer (3)
Слот «séparation»
divorce (12), séparation (7), se séparer (3), rupture (1), se quitter (23), ex-femme (4), solitude (4), ennemie (5), enculer (1)
Слот «fidélité-infidélité»
infidélité (1), fidèle (2), monogame (1), polygame (1), tromper sa femme (5), harem (1)
Слот «sentiments»
tendresse (5), caresser (3), embrasser (5)
Слот «noms des femmes»
frigide (1), salope (3), nana (1), espèce de petite pute (1)
Слот «types des relations entre homme et femme»
amants (5), flirter (2), amie (15)
Слот «les processus biochimiques de l'organisme humain »
biochimie (1), hormones (6) – hormonal (1), dopamine (1), noradrénaline (1), prolactine (1), lulibérine (1), ocytocine (1), phényléthylmine (PEA) (1), endorphine (1)

Слот «<i>préférences sexuelles</i>»
hétérosexuel (2), homosexuel (1), bisexuel (1), omnisexuel (1)
Слот «<i>organes génitaux féminins</i>»
cul (5), clitoris (1)
Слот «<i>trouble mentale</i>»
narcissisme (2)
Слот «<i>appellation de soi</i>»
idiot (3)
Слот «<i>mort</i>»
se suicider (3)
Общее количество слотов: 16

Анализ наполнения слотов показывает, что автор использует лексические единицы, принадлежащие различным пластам: при доминировании общеупотребительных слов в произведении широко представлена разговорная лексика (в том числе инвективная), а также научная терминология и авторские неологизмы (таблица 3).

Использование лексических единиц, принадлежащих к различным пластам языка, свидетельствует об образности авторского языка Ф. Бегбедера и о том, насколько важной является любовная тематика в данном произведении.

Таблица 3 – Анализ лексических единиц в соответствии с нормой языка

Наименование группы слов	Количество
Общеупотребительная лексика	39
Разговорная лексика (в том числе инвективная)	18
Научная терминология	21
Книжная лексика	1
Устаревшая лексика	0
Авторские неологизмы	2

Проведенный нами анализ лексического уровня романа Ф. Бегбедера показал, что литературное произведение расширяет ассоциативное поле понятия «amour». Опираясь на результаты исследования, мы пришли к

выводу, что подобный выбор Ф. Бегбедером лексических средств при описании темы «amour» в романе «Любовь живет три года» обусловлен проявлением авторской индивидуальности, что, на наш взгляд, характеризует его отличительный подход к интерпретации данного понятия.

Список литературы

- 1 Coutant-Defer D. *L'amour dure trois ans. Fiche de lecture.* – P. : LePetitLittéraire, 2013.
- 2 Beigbeder F. *L'amour dure trois ans.* – P. : Gallimard, Folio, 2012. – 194 p.
- 3 www.cnrtl.fr (дата обращения: 12.02.2015).
- 4 www.tropes.fr (дата обращения: 12.02.2015).

И.Л. Куличкова
Кафедра «Английская филология»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СУГГЕСТОПЕДИИ В РАБОТЕ С ТЕКСТОМ В ЦЕЛЯХ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Метод суггестопедии появился в конце 70-х годов XX века. Суть его можно свести к так называемому «погружению» в языковую среду, что помогает в овладении иностранным языком. С этой целью обучающиеся используют вымышленные имена и биографии. В результате человек может полностью раскрыться и расслабиться, избавляется от ошибок и стеснения. У него появляется вера в собственные силы посредством создания особой атмосферы.

Рассмотрим особенности применения метода суггестопедии в работе с новым текстом на иностранном языке. Весьма условно учебное занятие может быть разделено на четыре этапа.

На *первом этапе*, который может быть обозначен как вводный этап, преподаватель в нормальном темпе зачитывает полилог. Затем дает построчный перевод текста более тихим голосом.

Второй этап ориентирован на запоминание текста. Обучающиеся встают в круг. Преподаватель выделяет ряд фраз и выражений из текста, которые, по его мнению, должны лечь в основу процесса дальнейшего за-

поминания полилога. Обучающиеся должны вначале хором несколько раз повторить за преподавателем означенные фразы и выражения. Далее наступает черед работы в парах: каждый обучающийся повторяет указанные фразы своим соседям справа и слева. Считаем необходимым указать, что работу в парах целесообразно проводить, изменяя следующие характеристики речи: *громкость, темп (скорость), тон (высота), интонация, тембр*.

Эти изменения необходимы в целях эмоционального запоминания.

Представляется, что именно на втором этапе следует, по возможности, приводить слова из родного языка, ассоциирующиеся, похожие по звучанию. К примеру, английский глагол «to intrude» означает «вторгаться», «бесцеремонно вмешиваться», «входить без разрешения или приглашения», «навязываться», «быть назойливым», «обременять». Возможные трудности с запоминанием данного слова можно избежать, если «разложить» его на две составляющие: 1) всем известный предлог «in» и 2) «trude», *созвучное* с русскими словами «труд», «трудиться». В результате слово оказывается не настолько сложным в запоминании, поскольку оно означает дословно «вмешиваться в труд другого».

Третий этап может быть назван «припоминание». Обучающиеся возвращаются на свои места. На данном этапе возможны следующие варианты:

а) преподаватель зачитывает вразброс фразы и выражения на русском языке, выдерживает определенную паузу, в течение которой обучающиеся припоминают про себя перевод данной фразы на иностранный язык. Затем преподаватель зачитывает эту же фразу на иностранном языке;

б) преподаватель зачитывает вразброс фразы и выражения на русском языке, а затем предлагает обучающимся найти в тексте и зачитать перевод фразы на иностранный язык.

На *четвертом этапе* создается имитация концертного сеанса (включается свет, зажигается свеча, включается спокойная музыка). Обучающиеся должны занять удобное положение, расслабиться. Преподаватель тихим, ровным, внушающим голосом зачитывает текст еще раз.

На последующих учебных занятиях работа с усвоенными фразами и выражениями продолжается в процессе выполнения грамматических упражнений, составления диалогов, использования фраз в коммуникации.

Список литературы

1 *Методики изучения английского языка.* URL: *English4Russians* : <http://english4russians.ru/content/article/216-metodiki-izucheniya-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 07.05.2015).

А.А. Пережогина, В.А. Рыжкова
Кафедра «Французская филология»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВЕБЕКИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ КАНАДЫ

В силу ряда обстоятельств географического, исторического и социально-политического характера французский язык в провинции Квебек претерпел ряд изменений фонетического, грамматического и лексического плана. В первую очередь, изменения коснулись самой подвижной части языка, ее лексического наполнения.

Цель данной статьи – рассмотреть семантические особенности квебекизмов. Под квебекизмами понимаются «устойчивые сочетания, слова или их лексико-семантические варианты, наличествующие в современном французском языке Квебека и отсутствующие в современном языке Франции [1].

Рассматривая семантические особенности квебекского варианта французского языка в Канаде, мы выявили специфику лексики по двум аспектам: по семантическим полям и по характеру использования в речи. Исследование проводилось на базе словаря квебекизмов «Dictionnaire québécois-français pour mieux se comprendre entre francophones» Лионеля Минья [2]. Это самый первый двухвариантный квебекско-французский словарь, в котором представлены разъяснения квебекизмов и приведены их эквиваленты во французском языке Франции. В нем также содержится информация о происхождении некоторых лексических единиц и частотности их употребления в речи.

Анализ содержательной стороны существительных и прилагательных, представленных в данном словаре, позволил выделить шесть семантических групп.

В первую группу вошли слова по теме «Животный и растительный мир». Например, слово *atoca*, которое обозначает ягоду – клюкву. Это слово было заимствовано из индейского языка, поэтому во французском языке Франции его нет, но есть его эквивалент – *le cranneberge*.

Слово *malard* пришло из нормандского диалекта и означает крикву. Это один из нескольких видов птиц, общих для американского и европейского континентов. Канадские англофоны также используют это название. Вероятно, по этой причине это слово вытеснило французское слово Франции *le colvert* из обихода.

Жители Квебека практически никогда не используют французское слово *cacahuètes*, означающее арахис. Это слово вызывает у них улыбку. Вместо него используется слово *arachide*.

Во вторую группу вошли прилагательные, описывающие характер, состояние и внешний вид человека. Например, прилагательное *laite, lette*, называющее человека некрасивого. Нетрудно догадаться, что это слово образовано от французского прилагательного *laid-e* в результате его произношения с квебекским акцентом.

Очевидно, что такие прилагательные, как *smart, badlucke* пришли в квебекский французский из английского. Но в отличие от слова *badlucke*, означающего в обоих языках человека неудачливого, слово *smart* в квебекском французском языке означает *милый, симпатичный*, а в английском – *умный*.

Еще одно квебекское прилагательное *piochon* – *упрямый, твердолобый, бесталанный* произошло от французского существительного *le piochon* – *небольшая кирка*.

Следующая группа слов касается названий напитков, продуктов и еды.

К примеру, газированная вода называется словом *liqueur*, а во французском языке Франции это либо устаревшее слово, означавшее любую жидкость, либо означающее сегодня сладкие спиртные напитки, как ликер, наливка.

Слово *boisson*, называющее во Франции любые напитки, в квебекском варианте французского обозначает только напитки, содержащие алкоголь.

Большое разнообразие и популярность блюд так называемого фаст фуда также повлекло за собой появление местных названий данных блюд.

Например, *guédille* – вид хот-дога с капустой, *sous-marin* – сэндвич, напоминающий по форме подводную лодку, *trempelette* – сырный соус.

Еще одна группа включает в себя слова – названия видов одежды, обуви, аксессуаров. Среди них есть лексика, которая есть и во французском языке Франции, но с несколько иным значением. Так, слово *habit* в Квебеке означает костюм, а во Франции это слово называет любую одежду и используется чаще во множественном числе.

Разные значения имеет также слово *jaquette*: во Франции – жакет, куртка, в Квебеке – ночная сорочка.

Интересным по происхождению является квебекское слово *froque* (пальто, куртка), во Франции – *manteau*, *blouson*, *veste*. Очевидно, что произошло оно от английского *frock coat* (мужское пальто до колена), но возможно, что это английское слово пришло из Франции, где есть слово *froc*, означающее монашеское платье.

Специфика лексики из группы «жилье, мебель, бытовые приборы» связана преимущественно с традициями, обычаями и бытом квебекского народа. Так, например, весенний праздник кленового сиропа квебекцы отмечают в специальном доме в кленовой роще. Такой дом традиционно называют *cabane à sucre*.

Chalet maison – это загородный домик на берегу озера, где жители Квебека проводят выходные дни, а во французском языке Франции слово *chalet* означает швейцарский домик, и расположен он чаще всего в горах.

Слово *chesterfield* используется в Квебеке для названия дивана, произошло оно от имени известного производителя мебели.

В последнюю группу вошла лексика по теме «Машины и техника». Часто употребляемым в Квебеке при названии средств передвижения является слово *char*. Так, легковой автомобиль называют словом *char*, для обозначения трамвая используют словосочетание *petits chars*, а поезда – *gros chars*. Во французском языке Франции также есть это слово, но употребляют его при названии повозки, колесницы либо танка.

Из английского в канадский французский пришли слова *skidoo* – снегоход, *truck* – грузовик, *van* – миниавтобус. Во Франции это *motoneige*, *camion* и *minibus* соответственно.

Исследуя лексический материал словаря Л. Минея, мы заметили, что можно также выделить три группы слов по характеру их употребления в речи.

В первую группу мы отнесли слова, которые есть в квебекском варианте французского языка, но нет во французском языке Франции. Чаще всего это слова, связанные с местным бытом, традициями, обычаями. Так, например, заимствованное из индейского слово *babiches* означает кожаные ремни из сухожилий животных, из которых местные жители изготавливают традиционные снегоступы. Слово *épluchette* означает праздник кукурузы в конце лета.

В эту группу вошли также названия некоторых насекомых, животных, растений. Это могут быть либо местные названия (*blé d'inde* – кукуруза, *atocas* – клюква, *bleuets* – черника), либо названия растений и животных, которые водятся только в Канаде или Квебеке (*ouaouaron* – лягушка-бык, *brulot* – разновидность комаров).

Во вторую группу вошли слова, которые есть в обоих языках, но с разными значениями. Значения могут быть абсолютно разными. К примеру, слово *cadran* во Франции означает циферблат, а в Квебеке – будильник. *Ticket* во французском языке Франции это билет, в квебекском французском – налог, штраф. *Dépanneur* во Франции – ремонтник автомобилей или бытовых приборов, в Квебеке – угловой магазин, маленькая бакалея.

Слова могут называть разные предметы, понятия, но смежные по значению. Наглядным примером может служить слово *crayon*, которым в Квебеке называют ручку, а во Франции – карандаш. Оба предмета выполняют аналогичные функции. Другой пример – слово *banque*. В квебекском французском это копилка, во французском Франции – банк. Еще одно слово – *bas*. В Канаде этим словом называют носки, во Франции – чулки.

Также может совпадать одно из значений слова, но дополнительные значения могут быть разными. Так, слово *lumière* имеет значение *свет, огонь* в обоих вариантах французского языка, но в Канаде это слово используют для названия сигнал светофора (*lumière rouge*), а во Франции в эквивалентном значении употребляется многозначное слово *feu* (*feu rouge*). Или, к примеру, слово *valise* в Квебеке и во Франции – чемодан, дополнительное значение в Квебеке – багажник (в автомобиле).

В третью группу мы включили слова, которые есть и в квебекском французском, и во французском Франции, но используются с разной частотностью. Например, слово *farce* (шутка) чаще употребляется в Квебеке, чем слово *blague*, во Франции – наоборот. Аналогичная ситуация со сло-

вами *bord* и *côté* (сторона). В Квебеке более употребляемое слово *bord*, во Франции – *côté*.

В ходе исследования мы увидели, что выявленные нами семантические особенности лексики французского языка в Квебеке связаны, прежде всего, с историей появления и распространения французского языка в Канаде, географическим положением Канады и Квебека, реалиями, бытом и традициями местного населения, а также влиянием английского языка и соседствующих диалектов.

Список литературы

1 www.lerobert.com

2 Miney L. *Dictionnaire québécois-français pour mieux se comprendre entre francophones*. URL : <http://www.fredak.com/dico/dqf.htm> (дата обращения: 14.04.2015).

М.А. Поманисочка
Кафедра «Английская филология»

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ К НАПИСАНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ

Если изучить особенности того, как вы аргументируете свои доводы в повседневной речи, к какому типу людей вас можно было бы отнести? Аналитик, прагматик, реалист, идеалист или синтезатор? Если оценивать ваши шансы по стопроцентной шкале, вероятность того, что вы аналитик, составляет 31%. Шансов оказаться прагматиком у вас меньше – всего 20,5%. Надеяться на то, что мы с вами реалисты, могут только 13,5% из нас, 10,5% - и вовсе идеалисты. А на участь быть синтезатором могут рассчитывать 24,5%. Эти выводы сделала С.В. Калашникова, изучая языковые характеристики личности в своем диссертационном исследовании «Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе» [1, 8].

Для определения качеств, дающих повод отнести своих респондентов к той или иной группе, автор выбирает ряд свойств порождаемой ими речи в тех случаях, когда возникает потребность или желание изложить

собственные или присвоенные суждения и сопроводить эти суждения рядом доводов, обладающих «иллокутивной силой». Цель, которую, по мнению автора, языковая личность преследует в этих обстоятельствах, состоит в «убеждении (разубеждении), внушении истины» либо в наделении «определенных высказываний прагматической приемлемости» [1, 6].

Следуя по стопам А.А. Алексеева и Л.А. Громовой, С.В. Калашникова делит авторов-аргументаторов на синтезаторов, идеалистов, прагматиков, аналитиков и реалистов. Синтезатор увлечен поиском обобщающих сущностей, пытается выяснить суть взаимодействия между ними, склонен провоцировать у слушающего аффективные состояния, дабы использовать их себе на благо. Его высказывания насыщены эксплицитно выраженными элементами логики, а речь богата дескриптивными средствами и, как следствие, отличаются убедительностью. Другими словами, мы имеем дело с потенциальным манипулятором. К группе идеалистов относят тех, кто склонен проецировать обретенный опыт и знание на объект познания, чрезмерно часто полагает, что субъективные факторы смогут возобладать над объективностью. В суждениях представителей этой группы мы, вероятно, найдем стремление к диалогичности, выраженное в косвенных вопросах и в других средствах взаимодействия с аудиторией. Прагматиков наделяют следующими качествами: озабоченность скорейшим достижением желаемого и искомого, разнообразие в использовании путей, стремление к новизне. Поэтому их речь отличает наличие шаблонных фраз, отражающих сегодняшние воззрения, и обращение к известному знанию. От аналитиков следует ждать распространенных высказываний, в которых будет очевидна формальная логика и беспристрастность выводов. Для реалистов характерны иные свойства: эмпиричность, конкретность целей, простота плана выражения и плана содержания, склонность к развернутым дефинициям [1, 7].

Не оспаривая результатов исследования С.В. Калашниковой, возьмемся разделить точку зрения тех, кто согласился бы с утверждением, что стиль речи-мысли во многом определяется риторической традицией, которой достигла данная общность к данному времени. «Принадлежность к определенному стилю мышления» не следует рассматривать как данность, дарованную и унаследованную человеком от своих родителей, она находит выражение в спонтанной речи тогда, когда имеется значительная эмоциональная подоплека, когда мы имеем дело с аффективными состояниями

[1, 7]. Отвлекаясь от обобщающих индивидуальных характеристик, представленных в работе, мы, скорее, согласимся с тем, что речь остается производным от образования и воспитания. Более того, мы осмелимся также предположить, что конечные данные этого исследования оказались бы иными, если современные средняя и высшая школы России обучали бы искусству публичной речи и аргументации. К сожалению, этого нет. К сожалению, не часто встречаются семьи, где ребенка обучают культуре аргументированного изложения суждений и в семье. Риторика в ее греко-римской традиции приходит к нам только тогда, когда речь идет о гуманитарном научном исследовании, обучении на юридическом или филологическом факультете и, непосвященным покажется это странным, тогда, когда мы пишем эссе на иностранном языке.

Повседневная языковая практика обычного жителя России, вероятно, способствовала бы развитию культуры логически ясной аргументированной речи, в которой мы могли бы обнаружить черты, свойственные риторике Аристотеля и Марка Фабия Квинтилиана, если бы это было неотъемлемой частью нашего образа жизни и мышления. Но в наших условиях неотъемлемой частью нашего образа жизни и мышления, как показывают исследования, оказывается дискурс тоталитарного общества, где в иллокутивном акте преобладает директивность и оценочность, а полемике не остается места, что сближает дискурс нашего формального общения с окружающими с традициями классической китайской риторики [4; 2].

Популяризация написания академических эссе в средней школе и в вузе началась с развития Болонской инициативы и сопровождающих ее российских реформ образования. Академическое эссе на иностранном языке стало частью ЕГЭ, практикующие преподаватели и в средней школе, и в вузе принялись изучать возможность и полезность этого вида учебной работы. К этому времени накопленный опыт и проведенные исследования доказали и показали настоятельную потребность в плановой работе над умением писать эссе в старших классах средней школы и в университете. Более того, на сегодняшний день вряд ли найдется другой вид практической академической деятельности, который лучше прочих упражнений научит наших студентов аргументировать свои утверждения, добиваться ясности изложения и браться за самостоятельное изучение разнообразной тематики, опираясь на алгоритмы научно-исследовательской деятельности, сохранить объективность оценки, готовить результаты своих

изысканий для предъявления большой аудитории и быть готовыми к полемике. Еще одним доводом в пользу обширного применения этой практики могут послужить два обстоятельства: имеется поистине огромный зарубежный опыт обучения письменной речи на неродном языке, нашедший отражение в многочисленных и разнообразных по тематике работах, и целый ряд регулярно переиздаваемых учебных пособий, охватывающих все уровни владения иностранным языком. За последнее время в нашей стране также появилось большое количество интересных и полезных диссертационных исследований и научных статей, посвященных этой проблематике, правда, издаваемых большими тиражами отечественных пособий нет.

Коллеги давно заметили, что академические эссе в этом западном варианте суть небольшое научное исследование, поэтому опыт работы над ним окажется чрезвычайно полезным для студенческой аудитории. Так с точки зрения написания курсовых и дипломных работ студент постигает алгоритм исследовательской деятельности в науке, познает азы организации изыскания, научается, что писать и как писать. На мета-когнитивном уровне ему предстоит оперировать особыми категориями, им же нужно дать определения и подыскать прочие языковые средства для формирования утверждений и аргументирования. Таким образом, студент постигает процедуры компиляции мета-языка своей научно-исследовательской работы. Навыки и умения, как и сами познавательные процедуры, в этом смысле немногим отличаются, если вести речь об используемых языках.

Процедурная сторона создания письменных композиций на английском языке и связанная с этим подготовительная работа получили к настоящему времени полноценное описание. В классической риторике этот этап именуется *invention* или инвенцией в русской транскрипции. Ни одно из известных нам пособий по обучению письменной речи не обходится без регламентированных процедур на стадии определения общего содержания. Следуя этим советам, работу над эссе необходимо начинать с поиска идей и обзора имеющихся в распоряжении студента сведений.

Эта когнитивная процедура именуется традиционно «Brainstorming», она же предполагает также предварительную обработку собранного материала. Следует сделать оговорку о том, что наши подопечные не спешат воспользоваться этими рекомендациями, предпочитая сбросить время и без определенного плана и без промедления взяться сразу за написание эссе, и

полагают, что содержание и его логико-композиционное построение обретут необходимые качества в ходе творческого процесса. Однако наблюдения показывают, что достаточно удачно совладать с этим эвристическим процессом оказывается под силу 10-20 % студенческой группы, даже если избираемая тема не выходит за пределы изучаемой темы.

Организация этой эвристической процедуры представлена в издании «New Directions. An Integrated Approach to Reading, Writing, and Critical Thinking», автор Peter S. Gardner. [5, 233-240]. Штурмующим свой мозг предлагается воспользоваться одной из следующих процедур, дабы придать своим творческим мукам целенаправленность и организованность.

- 1 Listing. Эта рекомендация предполагает написание слов и фраз, входящих на ум автору и так или иначе связанных с исследуемой темой. Далее автору советуют внимательно просмотреть полученный перечень и отметить наиболее важные и привлекательные слова и фразы. Он может сгруппировать собранную лексику в какие-либо категории, выбрать одну из упомянутых категорий и, воспользовавшись одним из описанных здесь приемов, развить ее. Автор исследует собственную картину мира в поисках нужных ему знаний и выбирает те слова и фразы, которые репрезентируют основные концепты будущей композиции. Один из вероятных путей дальнейшей работы – составить развернутый план, включив туда результаты «мозгового штурма» и последующей выборки.
- 2 Freewriting. В данном случае ожидается, что автор, не отрываясь, не заботясь о грамматике или законченности предложений, в течение 10 минут пишет все, что ему кажется приемлемым по заданной теме. Следующий шаг подобен описанной выше селекции идей, годных для развития, с последующим составлением подробного плана. Автор может обойтись без составления плана и просто подчеркнуть нужные ему предложения и словосочетания, а может и перефразировать их в пункты своего плана. По мнению П. Гарднера, этот прием один из лучших способов для обретения нужных идей и ассоциаций.
- 3 Ballooning. Данная процедура по-разному именуется в различных источниках: clustering, spidergram, mind mapping. Ее часто используют коллеги тогда, когда видят потребность в предъявлении большой аудитории какого-то объема информации в виде структуры, отражающей взаимосвязи ее элементов.

Этимология, очевидно, восходит к термину ballooning, обозначающему способ перемещения пауков в пространстве с помощью паутины. Вслед за созданием этой схемы автор, скорее всего, выберет один из участков своей паутины и произведет селекцию, подобную описанной выше.

- 4 Cubing. «Это поисковый прием позволяет исследователю обследовать изучаемую тему в шести перспективах» [5, 237]. Предполагается, что нужно нарисовать куб, а на каждую из его граней нанести один из следующих призывов: describe, argue, apply, compare, associate, analyze, compare (опишите, обоснуйте, примените, установите связи, исследуйте, проанализируйте, сравните). Затем автору предписывается быстро переходить с одной грани к другой и писать все то, что приходит в голову в связи с заданной темой, стараясь выполнить каждый из призывов. Например, когда он или она доберется до грани с обозначением «associate», требуется ответить на вопросы: «What does it remind you of?» и «Does it relate to anything in your own experience?» (О чем вам это напоминает? Имеет ли это какое-либо отношение к вашему собственному опыту?).
- 5 Outlining. Как указано выше, составление развернутого плана может стать очередным этапом после выполнения описанных в предыдущих пунктах процедур с тем, чтобы пункты этого плана в дальнейшем послужили бы ориентирами при написании работы. В то же время наш автор может составить такой план в процессе обзора своих познаний в исследуемой области и поиска нужных ему мыслей вместо обращения к какой-либо из описанных здесь эвристических процедур.

Составляют план по мере появления нужных идей в том порядке, в каком они появляются. В качестве заглавных пунктов этого плана, как полагает П. Гарднер, следует выбрать обобщающие категории, связанные с предметом исследования, а каждый пункт плана дополнить более частными понятиями, которые могли бы быть аргументами в поддержку основополагающих утверждений. О возможной пользе этого вида в пособии говорится, что для многих составление плана оказывается очень хорошим подспорьем в организации своего мыслительного процесса.

6 В ряд описанных выше процедур автор пособия включил также традиционный набор из 6 журналистских вопросов: С кем это случилось? Что произошло? Как это случилось и где? Каковы последствия? Когда это произошло? Хотя вопросы больше подходят для написания новостной статьи, П. Гарднер настаивает на частом обращении к ним авторов письменных композиций.

В конечном счете, как утверждается в пособии, каждый пишущий автор выбирает свой особый путь на стадии принятия решений, о чем писать, часто не завершает начатого, возвращается к нему позже, комбинирует разнообразные приемы на свое усмотрение. Выполняя эту работу, не следует отказываться ни от каких мыслей, советует П. Гардинер, даже если они окажутся поначалу неприемлемыми. В дальнейшем эти идеи и связанные с ними ассоциации вероятнее всего найдут свое место в сочинении. Этот этап обнаружения идей и облечение их в тезисную форму предшествует написанию чернового варианта работы. Его полезность еще и в том, что автор, пребывая в творческом поиске, попутно собирает и лексический материал, способный оказаться хорошим подспорьем для него на этапе элокуции.

На следующей стадии написания эссе автору предстоит развить найденные и сформулированные идеи, аргументировать свои утверждения, построить логико-композиционную структуру своего сочинения со вступлением и заключением. Этот процесс тщательно исследован, подробно описан и представлен в учебных пособиях, где содержатся систематизированные советы, как это сделать.

Описывающих эти процедуры пособий в России в изобилии - одно только издательство «Oxford University Press» предлагает пять наименований учебников по обучению письменной речи. Каждое из них включает от 2 до 5 уровней, многие из них представляют собой электронные книги. С одной стороны, такое разнообразие не может не радовать. С другой стороны, хороших учебных пособий нет, поскольку ни одно из них никогда не может одновременно удовлетворить потребности преподавателя, соответствовать требованиям программы, оправдать ожидания и возможности учебной аудитории. Главная же беда этих хорошо иллюстрированных изданий на отличной бумаге с безупречной эстетикой и продуманной эргономикой в том, что в них не отражены особенности обучения этому виду продуктивной деятельности в наших условиях. Работая с такой книгой,

российскому студенту приходится преодолевать два барьера: языковой и культурный.

Российскому преподавателю в данном случае приходится ставить перед собой целый ряд задач, начиная с обучения традициям и языку академической риторики в ее англосаксонской интерпретации и заканчивая противодействием десемантизированным изречениям-калькам типа «Television plays an important role in our life». К счастью, в его распоряжении большой спектр научных достижений сопоставительного изучения языков и культур. Скажем, из работ А. Вежбицкой мы узнаем, что в русском языке «большое количество разнообразных безличных конструкций в русском синтаксисе, которые отражают свойство русской культурной традиции рассматривать мир как совокупность случайных, необъяснимых и неподдающихся контролю событий; в английском же языке особое значение имеет выражение каузальных отношений и различных стратегий отношений между людьми, что реализуется, в частности, во взаимосвязи каузации и волеизъявления» [3]. М. Холлидей в своем труде «An Introduction to Systemic Functional Grammar», описывая номинализацию как следствие употребления понятийных метафор, раскрывает одну из особых черт научно-технических и публицистических текстов, заключающуюся в высокой лексической плотности этих текстов [6, 729].

Список литературы

- 1 *Калашикова С. В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе : автореф. канд. филол. наук. URL:<http://eprints.tversu.ru/1789/1/01263>*
- 2 *Рождественский Ю.В. Теория риторики. - М. : Добросвет, 1999.*
- 3 *Осокина Н.Ю. Некоторые случаи метафоры в английском и русском языках: сходства и различия // Мир науки, культуры, образования. – 2012. - № 2 (33). – С.283*
- 4 *Тоталитарный дрейф. Интервью Льва Гудкова Андрею Липскому // Новая газета. 29 августа 2015.*
- 5 *Gardner, Peter S. New Directions. An Integrated Approach to Reading, Writing, and Critical Thinking. - Cambridge University Press, 1998. - С. 234-240.*
- 6 *Halliday M.A.K. An Introduction to Systemic Functional Grammar. - Routledge, 2014.*

СРАВНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ДЕТЕКТИВАХ ФРЕДЕРИКА ДАРА

Исследование функций изобразительно-выразительных средств, используемых в художественном произведении, всегда приносило новизну и авторскую индивидуальность. Одним из важных условий при создании детектива является написание увлекательного, захватывающего и обладающего новизной произведения, лишённого чрезмерной сухости языка, шаблонности, предсказуемости как сюжета, так и его развязки.

В детективном жанре главным является расследование, отгадка некой тайны, поиск преступника и сосредоточенность читателя на сюжетных деталях. «Исследование детектива остается актуальным, однако, описывая структурные, композиционные и сюжетные особенности детектива, авторов исследований очень редко привлекают лингвистический и стилистический аппарат, мотивируя это усредненностью стиля детектива, шаблонностью его языка, запрограммированностью его персонажей и сюжетных ходов» [1]. Иными словами, из-за того, что все внимание читателя сконцентрировано на загадке и закрученном сюжете, недостаточно внимания уделялось стилистике произведения, а именно использованию в детективе изобразительно-выразительных средств. На примере иронического детектива Фредерика Дара под названием «En long, en large et en travers» мы рассмотрим сравнения как стилистический прием в сюжетной линии раскрытия преступления.

Фредерик Дар – французский писатель, родился 29 июня 1921 г. во Франции, умер 6 июня 2000 г. в Швейцарии. Автор 288 романов, 250 новелл, 20 театральных постановок, 16 киносценариев. В России и в мире он больше известен под своим псевдонимом Сан-Антонио. Под этим псевдонимом написаны 183 романа о похождениях полицейского комиссара Сан-Антонио с его постоянным товарищем, инспектором Берюрье. Этот псевдоним был взят им совершенно случайно: Фредерик Дар ткнул пальцем в карту США, чтобы придумать англоязычное имя новому герою. Огромное количество читателей считают своим долгом поблагодарить его за книги, которые помогли выйти из душевного тупика, излечили в буквальном

смысле от тяжелой болезни, по словам французского журналиста Робера Эскарпи.

О языке своих произведений Фредерик Дар говорит следующее: «Это анархия, направленная против всего, чему меня обучали. И в особенности, против языка, этого калиброванного языка, который используют в книгах, но не на улице. Потому что на нем уже не говорят, как впрочем, и не пишут, зачем же надрываться, чтобы удержать его в корсете классицизма?» [3].

«Сан-Антонио» не только не расшатывает и не подрывает полицейско-шпионский роман, но, напротив, укрепляет его позиции. Уже начавший было приедаться, этот жанр вдруг заиграл новыми красками, оказался еще и источником юмора, а главное – бесценным сборником скабрёзных шуточек, каламбуров, забавных словечек, которыми можно блеснуть в обществе. Находится даже немало читателей, которые принимают «Сан-Антонио» всерьёз, не замечая его пародийной стороны [2, 240]. Этим высказыванием подчеркивается ценность Фредерика Дара во французской литературе и в литературе вообще как мастера «оживления и обновления» детективного жанра.

Сравнения стремятся передать внешнее сходство сравниваемых предметов, сделать их наглядными, чтобы иметь возможность представить их, создать иллюзию реальности. Сравнения привлекают внимание к деталям, помогая читателю наглядно представить их и узнать.

Все персонажи характеризуются Даром с его восприятием действительности, будь то человек, погода, ситуация. В сознании читателя возникает четкий зрительный образ, психологический облик, материал о котором заимствован из самых различных сфер деятельности: история, зоология, литература, быт. Благодаря этим сравнениям, описывающим действительность, в текст попадают улитки, оперные певицы, городской транспорт, салфетки: *cette déesse à une taille comme un rond de serviette* (эта богиня с талией словно кольцо для салфетки).

Художественная цель, которую преследовал Дар, заключалась в том, чтобы оставаясь в пределах реальности, создать образы более отчетливые и зримые, более многообразные и порою с несовместимыми чертами: *la bouche aussi pleine qu'un autobus à midi* (полный рот, как автобус в полдень), в которых материальные черты сочетаются с неправдоподобием, но конкретным, повседневным бытом современного города. В контексте го-

ворится о праздничном ужине, уставленном лимонами, маринадами, салатами и вином столе, что и стало причиной «полного рта». Автобусы в полдень всегда переполнены, где нет ни одного свободного места, иногда кажется, что автобус не выдержит такого пресса и лопнет. Рот сравнивается с автобусом. Возможно, этим автор хочет показать насколько все вышеперечисленные блюда были вкусны и аппетитны.

Совмещение несовместимых образов сообщает одновременно грандиозность и абсолютную обыденность: *Il pose sur moi un oeil visqueux comme un escargot dans une boîte à sel* (взгляд липкий и вязкий, как у улитки в коробке с солью). Данные сравнения приобретают некую символичность, свойственную неприятию одновременно потрясающего и омерзительного. В данном случае описывается взгляд тяжелый, навязчивый, «ощупывающий». Из контекста понятно, что ситуация, в которой происходит диалог, напряженная, с отрицательным оттенком некой раздраженности. Поскольку пресноводная улитка в коробке с солью явно чувствует себя неуютно и дискомфортно, то же самое происходит и с субъектом действия.

Один из вариантов творческих процессов Фредерика Дара состоит в написании новой фразы или поговорки с использованием элементов поговорки, максима или с другой уже существующей фразой. При этом он меняет смысл и наполняет получившиеся фразы новым содержанием. И только из этих элементов формируется собственное высказывание или сравнение. Такой метод создания новых сравнений был выбран интуитивно.

Некоторые «творения», выкованные Фредериком Даром, все же были заимствованы из сленговых выражений, но получили «вторую жизнь» благодаря воображению писателя при создании новых фраз. Например, *le blé* – пшеница, а в арготическом смысле – деньги. В книге встречается фраза: *«C'est une grande règle, les gars, les paroles c'est comme le blé: faut pas pleurer l'engrais si on veut une belle moisson»*.

В другом примере *«Autres choses, mes chéris, vous savez que les bignoles vont par deux, comme les saucisses, alors j'ai un aminche dans la strass»* писатель делает сравнение между колбасами, которые продаются в парах и пару дворников: *bignole* – консерж, в которых оба супруга часто работают вместе. Использование термина «колбаса» в жаргонном смысле означает «глупый», отсюда вывод, что писатель говорит о низких ум-

ственных способностях этих персон. В этом случае значение слова поменялось, следовательно, поменялся и смысл высказывания.

Что касается сравнительной конструкции *«prendre comme un morceau de jambon mal coupé»*, она применима к людям, их внешнему виду. В этом случае образ неправильно отрезанной ветчины появляется для того, чтобы представить кого-то, кто не умеет пользоваться ножом, отрезает, например, толстый с одной стороны и тонкий с другой, неровный кусок, перерезает имеющиеся в ветчине волокна, и, как следствие – неправильный результат из-за незнания техники нарезки ветчины и неаккуратности: *Sa lèvre inférieure pend comme un morceau de jambon mal coupé* (Его верхняя губа отвисала как кусок плохо отрезанной ветчины). Это сравнение несет очевидный иронический характер и используется для выражения экспрессии. В сознании читателя ясно представляется образ описываемого героя, его непривлекательный вид, притягивающий к себе взгляды.

Во фразе *«Sa colère tombe aussi vite que le franc français»* (Его гнев проходит так же быстро, как падает французский франк) сравнение помогает увидеть и понять характер персонажа, его манеру поведения, внутренние качества. В этом случае вполне можно понять, с какой периодичностью и скоростью у персонажа «сменяется гнев на милость». Говорится о вспыльчивом, но отходчивом характере человека.

Фредерик Дар так же не упускает возможности создать пародию на рекламу («Палмолив», швейцарские ножи, венецианское стекло), на знаменитых личностей (Жан-Поль Сартр, Мария Каллас), общественных и политических деятелей (Черчилль, Людовик XIV, Юл Бриннер, Мао Цзе Дун): *Je ris plus jaune que Mao TseToung; elle ouvre une bouche qui lui permettrait de fumer un cigare de Churchill; je suis nu comme Yul Brynner; il est à usages multiples, comme les couteaux suisses; elle réfléchit comme une glace de Venise.*

Подобный процесс можно проследить и в следующем примере: *ce type-là m'est aussi sympathique qu'une épidémie de fièvre bubonique* (этот парень мне так же симпатичен, как и эпидемия бубонной лихорадки). Не вникая в суть содержания, можно сказать, что чувство симпатии главного героя сравнивается с бубонной лихорадкой, а так как эта эпидемия очень опасна и, скорее, вызывает страх и ужас, нежели какие-то положительные эмоции, то мы с уверенностью можем сказать, что человек совсем неприя-

тен комиссару Сан-Антонио, а наоборот, вызывает омерзение и желание скорее избавиться от его навязчивого присутствия.

Ф. Дар использует иронию, которую читатель, сам не осознавая этого, воспринимает благодаря сравнениям. Сравнения здесь являются средством выражения иронии, а стиль иронии, в свою очередь, подчинен сравнениям.

В нашем случае ирония, как и пародия, вновь выражена через сравнение.

Hôtel de la Manche, répons-je, laconique comme le mode d'emploi d'un appareil ménager (Отель де Ламанш лаконичный (простой) как инструкция по использованию бытового прибора). Сравнение отеля с образом использования бытового прибора в который раз уточняет отношение главного персонажа к происходящему. Благодаря данному приему читатель понимает, что для Сан-Антонио не существует трудностей. Он дает шуточную характеристику отелю Ламанш, сравнивая его с не более, чем обычным бытовым прибором.

С комичностью и юмором описывается поведение и интонация Марты, вызванные неожиданным вопросом комиссара: *Elle glousse comme une dinde venant d'avaler un bouton de jarretelle* (она кудахчет как индюшка, только что проглотившая пуговицу подтяжки). Возможно представить как кудахчет, индюшка, но как она кудахчет, когда проглатывает пуговицу, особенно от подтяжки, а не от какой-то другой вещи, уже сложнее. Но, скорее всего, речь Марты тороплива, сбивчива и прерывиста, что и дает Сан-Антонио основание сравнивать ее с этой птицей.

Удивительно точно и понятно Ф. Дар подбирает сравнения, несмотря на их сложность и виртуозность, они облегчают понимание, даже если читающий не задумывается об их составе.

Сравнивая несочетаемые понятия, Фредерик Дар добивается без труда комичного оттенка, неотделимого от иронии, только уместное сочетание казалось бы несочетаемых понятий способно вызвать улыбку у читателя: *Un sandwich gros comme un tramway* (сэндвич огромный, как трамвай).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В своих романах Фредерик Дар использует все основные приемы юмора, причем для манеры писателя характерно, прежде всего, частое применение неожиданных сравнений. Дар великолепно передает внешний вид и все оттенки эмоций

героев, поэтому речевая характеристика персонажей необыкновенно разнообразна, точна и занимательна. Тонкое понимание действительности позволяет ему отмечать любые несоответствия и противоречия. Добрый смех Дара, звучащий на страницах его книг, говорит о глубокой вере писателя в победу добра, счастья, в полноту жизни.

Автор должен обладать чувством меры, не допускать перебора и приторности, необходимо уметь выдержанно, по порциям выдавать юмор в произведении с целью заинтересовать читателя, вовлечь в историю и довести до ее логического конца, оставив приятный след в воспоминании от прочитанного.

Сравнения Ф. Дара понятны многочисленному кругу читателей своей незамысловатостью, но в то же время оригинальностью и точностью. Они интересны тем, что несут в себе оттенок пародии, т.е. узнавания какого-то человека, явления или предмета через противоположные ему характеристики.

Список литературы

- 1 Банникова И.А. *О стилистическом контексте детектива и методах его исследования*. URL: <http://littera.websib.ru/volsky/1239> (дата обращения: 22.02.2015).
- 2 Уваров Ю.П. *Современный французский детектив*. – М. : Прогресс, 1977. – С. 240.
- 3 Фредерик Дар. URL: <http://imhonet.ru/person/911/> (дата обращения: 22.02.2015).

Д.В. Портнягин
Кафедра «Английская филология»

ФИЗИОГНОМИКА В НОВЕЛЛЕ Ф. ШИЛЛЕРА «ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ»

Реформистская интенция, лежащая в основе Шиллеровой новеллы «Преступник из-за потерянной чести» (1786), широко известна. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли антропологическому подходу, ко-

торый Шиллер (1759-1805) использует, пытаясь понять преступное поведение и изучая его психические и материальные детерминанты.

О приверженности Шиллера методам эмпирической антропологии нам сообщают медицинские метафоры в тексте: *«посмертное вскрытие пороков», «заражённый член общества»*. В полном соответствии с тем значением, которое данная дисциплина придаёт формирующему влиянию раннего воспитания, повествователь приводит точное резюме лишений, которые претерпел Христиан Вольф в молодые годы. Самое заметное из них – это дефицит образования, вызванный ранней смертью отца, однако герою пришлось также бороться и с физическими недостатками: *«Природа жестоко обделила его. Маленькая невзрачная фигура, курчавые, неприятного черного оттенка волосы, плоский приплюснутый нос и вздутая верхняя губа, к тому же еще изуродованная ударом конского копыта; столь отталкивающая внешность отпугивала от него женщин, а приятелям давала богатую пищу для насмешек»* [1].

За этим описанием следует не менее удручающее перечисление моральных недостатков персонажа: Вольф — чувственный, *«слишком ленивый», «несведущий», «слишком гордый и слишком изнеженный»*. Уже в организации начальной обрисовки, включающей подробную характеристику физических и морально-психических компонентов личности преступника, достаточно ощутим антропологический импульс. Это побуждение понять человека как единство тела и души. Взгляд на человека как на колыбель, в которой покоятся *«мудрость и глупость, порок и добродетель»*, проявляется даже в имени протагониста – Христиан Вольф.

Корни Шиллерова антропологического мышления мы можем обнаружить в его годах, проведённых в Карлсшуте, особенно во влиянии на него Абеля (1751-1829), который стимулировал в юном воспитаннике интерес к фундаментальному вопросу антропологии – *commercium mentis et corporis*, постулирующему взаимосвязь между духом и телом. Абель сам был учеником лейпцигского врача Эрнста Платнера (1744-1818), которого многие считают основателем антропологии. Антропологи пытались порвать со схоластической традицией в медицине, настаивавшей на разделении двух онтологических категорий – телесного и духовного. Появление антропологии явилось частью реакции на рационалистические тенденции раннего Просвещения с его фиксацией на сфере разума. В свою диссертацию «О связи между животной и духовной природой человека» (1780) Шиллер 22-м параграфом

вводит «Физиономику ощущений» – по сути, критическое прочтение физиогномической теории Лафатера (1741-1801). Шиллер принимает базовый посыл Лафатера о формообразующем влиянии разума на тело, при этом дистанцируясь от суммарной претензии на то, что «*der Körper [ist] nichts anders, als die sichtbar gemachte Seele*» [2].

В исследовании взаимосвязи между духом и телом Шиллер вряд ли мог избежать ссылок на теорию Лафатера, чья популярность в немалой степени объяснялась тем, что провозглашённое *commercium mentis et corporis* подавалось швейцарским писателем в манере, вполне вписывавшейся в христианскую теологию. В то время как материалисты вроде Бургаве (1668-1738) и Ламетри (1709-1751) использовали проблематику взаимосвязи духовного и телесного для того, чтобы утвердить мысль о том, что ментальные процессы сводятся к физиологическим, Лафатер инвертирует эту перспективу, провозглашая мысль о теле как материализации души. Его цель как богослова при этом состояла в том, чтобы обезопасить теологический подход с его восприятием человека как венца творения, созданного по образу и подобию Бога, от непочтительности материалистической науки. Как следствие, мыслью о соответствии между моральной сущностью индивида и его физической конституцией Лафатер обязан скорее своим эсхатологическим представлениям, нежели интересу к эмпирической антропологии. Пастор из Цюриха надеялся, что физиогномика когда-нибудь сподобит избранных — тех, кто согласно кальвинистской доктрине предопределения был отмечен для спасения – различать друг друга силой специфических физических черт. Надежда Лафатера состояла в том, что прочтение человеческой формы дополнит обманчивые фигуры речи языком, в котором само человеческое тело будет являться непогрешимым индикатором моральной конституции личности: таким образом, его видение содержит черты типичного для позднего Просвещения скептицизма относительно языка. Постулированное соответствие между физической и моральной красотой находит заметное выражение в формуле «*Je moralisch besser, desto schoener. Je moralisch schlimmer, desto haeslicher*» [3], в которой слышны отзвуки классического идеала калокагатии.

Шиллер впервые увидел Лафатера, когда пастор посетил Карлсшуле 12 августа 1774 года; через некоторое время он мог познакомиться с идеями Лафатера как на уроках философии, так и из *Schwaebische Magazin*, на страницах которого регулярно публиковались статьи по физиогномике. Со вре-

мени своего раннего увлечения теорией Лафатера Шиллеровы взгляды на физиогномику характеризовались амбивалентностью. Несмотря на то, что Шиллер в диссертации 1780 года позволяет себе насмешку относительно плана Лафатера установить таксономию органических частей тела, замечая, что данная задача вряд ли могла быть достигнута, *«хотя Лафатер и мечтал изложить её в десяти небольших томах»* [2], параграф, названный *«Физиономика ощущений»*, не может расцениваться как недвусмысленное отрицание физиогномики *per se*. Шиллер допускает возможность того, что сильные и часто повторяемые эмоции могут проявляться в чертах лица индивидов. В параграфе, которому предшествует объяснительная ремарка *«Физические явления обнаруживают движения духа»*, мы читаем: *«Если аффект, симпатически возбуждающий эти движения механизма, будет часто повторяться и этот вид ощущения станет обычным для души, то и движения эти сделаются обычными также и для тела. Если такой ставший привычкою аффект обратится в постоянный характер, то и согласованные с ним черты механизма врежутся глубже, останутся в нём и сделаются наконец органическими. Так формируется в конце концов определённая, многолетняя физиономия человека, так что позднее бывает иногда легче изменить душу, чем выражение лица. В этом смысле можно сказать, не будучи приверженцем Сталь, что душа образует тело, и первые юношеские годы определяют, быть может, черты лица человека на всю его жизнь, подобно тому как они вообще составляют основание его нравственного характера»* [2].

Из этого отрывка видно, что Шиллерова *«Физиономика ощущений»* в основном идентична патогномике в том смысле, как её понимает Лихтенберг (1742 - 1799). Необходимо, однако, отметить, что Лихтенберг, выступая страстным оппонентом физиогномики Лафатера, между тем заявлял, что постоянное повторение определённых выражений может оставить перманентный след на лице. Место, где Шиллер и Лихтенберг расходятся с Лафатером – это краеугольный камень теории последнего: вывод о том, что фиксированные части лица (форма лба, носа, зубов и подбородка) могут сообщить сведения об интеллектуальных способностях и эмоциональной диспозиции. И Шиллер, и Лихтенберг допускают возможность физиогномического прочтения только в том случае, если оно базируется на подвижных частях лица. На первый взгляд согласование моральных и физических недостатков в очевидно физиогномическом описании Христиана Вольфа предполагает принятие Шиллером Лафатерова уравнивания моральной и физической красоты.

С одной стороны, мы имеем физическое описание именно тех фиксированных частей тела, которые имеют отношение к анализу Лафатера, с другой – набор моральных недостатков. Однако Шиллер устанавливает это соответствие лишь для того, чтобы подчеркнуть его ненадёжность. Внешность Христиана Вольфа – это продукт и «капризной игры природы», которая «то наказывает, как мачеха, то одаряет, как мать» [2], и серьёзного несчастного случая. Описание физической внешности Христиана Вольфа осознанно сконструировано так, чтобы показать, что процитированные черты не могут быть прочитаны с целью получения информации о конкретных моральных и психических диспозициях. В описании Шиллер делает акцент на фиксированных частях, на тех, которые сам Лафатер посчитал бы релевантными для физиогномического анализа. При этом автор «Преступника...» избегает упоминания подвижных частей лица, которые и он, и Лихтенберг считали способными «выдать» действия психики. Авторская интенция при этом заключается в том, чтобы продемонстрировать опасности, скрытые в физиогномике Лафатера: соседи Христиана, деревенская толпа, поносят и превращают безотцовщину Вольфа в изгоя основываясь на том же критерии, который бы применил сам Лафатер. Между тем именно изгнание, основанное на внешних недостатках, является в новелле основной причиной последующей криминальной карьеры.

Описание юности Вольфа содержит имплицитное обвинение тех, кто готов проклинать своих собратьев, основываясь на внешних чертах. Превращение персонажа в парию на этой основе презентуется автором новеллы как несправедливость, происходящая из невежества и предубеждения толпы. В этом смысле Шиллер дистанцируется от физиогномики Лафатера. Эта казалось бы ясная позиция относительно классификации людей по внешним чертам вступает в противоречие с двумя эпизодами в новелле.

Первый эпизод – описание главаря банды разбойников, который встретился Вольфу в лесу. Данное описание строится на стереотипных для того времени реквизитах пугающего злодея: «Я поднял глаза и увидел шедшего мне навстречу человека, по виду сущего дикаря, с большой суковатой дубиной в руках. Он был гигантского роста – по крайней мере в первую минуту замешательства мне так показалось, – с смуглым, как у мулата, лицом, на котором свирепо сверкали белки косящих глаз» [1]. В этом отрывке степень морального разложения отражена в дистанции, отделяющей злодея от

эстетического идеала «прообраза божества», абсолютно точно в соответствии с постулатами Лафатера.

Второй – встреча Вольфа со сборщиком пошлин на заставе. «Здесь, у заставы, он поседел; сорокалетняя служба воспитала в нем безошибочного физиономиста, сразу определявшего бродяг. Острый взгляд этой ищейки не обманулся и теперь» [1]. Данный отрывок показывает, что Шиллер допускает возможность патогномического прочтения лица.

Список литературы

- 1 Шиллер Ф. *Собрание сочинений* : в 7 т. - М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 3: *Драмы. Проза.*
- 2 Шиллер Ф. *Собр. соч. в пер. русских писателей* : в 4 т. / под ред. С.А. Венгерова. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1901 - 02. – Т. 4.
- 3 Lavater J.C. *Physiognomische Fragmente zur Befoerderung der Menschenkenntnis und der Menschenliebe*, 4 Bde. – Leipzig und Winterthur: Weidmann, 1775-78; repr. Hildesheim: Olms, 2002. — Bd. 1.

Е.Р. Ратушная, Е.И. Ратушная
Кафедра «Русский язык»

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Изучение концепта является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Многие ученые предлагают различные определения концепта. Данное явление рассматривается в работах Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.Ю. Прохорова и других.

В настоящее время наметились два основных подхода к сущности концепта: лингвокогнитивное и лингвокультурологическое. Они дополняют друг друга, подчеркивая различные аспекты данного сложного понятия.

Лингвокогнитивное направление разрабатывается в трудах В.В. Колесова, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.С. Кубряковой и других ученых. По мнению Е.С. Кубряковой, «концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной

системы языка и мозга, всей картины, отраженной в психике человека» [5, 90]. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, концепты «по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а следовательно, фиксируются в разных значениях» [5, 90].

Такой же подход предлагают З.Д. Попова и И.А. Стернин в работе «Очерки по когнитивной лингвистике»: «Концепт – комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности ... поворачивается разными сторонами, актуализируя либо свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представление, либо разные комбинации этих понятийных сущностей» [7, 20]. Авторы исследуют процесс формирования концепта и отмечают, что концепты «формируются в сознании человека:

- 1) из его непосредственного сенсорного опыта – восприятия действительности органами чувств;
- 2) из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
- 3) из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами;
- 4) из языкового общения» [7, 68-69].

В лингвокогнитивном направлении используется полевая модель концепта, представленная в виде ядра и периферии.

Анализируя различные определения концепта, В.А. Маслова выделила пять инвариантных признаков концепта:

- 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;
- 2) это основные единицы обработки, хранения и передачи информации;
- 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
- 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;
- 5) это основная ячейка культуры [6, 47].

На основе анализа различных определений В.А. Маслова предлагает следующее определение концепта: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным обра-

зом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства дома бытия (по М. Хайдеггеру). Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [6, 47].

Таким образом, представители когнитивного направления подчеркивают многомерность концепта, определяют его как единицу ментальной информации, которая лежит в основе представлений человека об окружающей действительности.

Представители лингвокультурологического направления признают концепт базовой единицей культуры. Данное направление разрабатывается в трудах Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова и других ученых.

По мнению Н.Д. Арутюновой, концепты возникают «в результате взаимодействия таких факторов, как национальные традиции и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [2, 3-5].

Ю.С. Степанов в словаре «Константы. Словарь русской культуры» предлагает следующее определение концепта: «Концепт – это:

- 1) как бы сгусток культуры в сознании человека;
- 2) основная ячейка культуры в ментальном мире человека, то, в виде чего культура "входит" в ментальный мир человека;
- 3) это "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [9, 50].

Ю.С. Степанов отмечает сложную структуру концепта, выделяя следующие компоненты:

- 1) основной, актуальный признак, входящий в общенациональный концепт;
- 2) дополнительный (или несколько дополнительных) признаков, являющихся не актуальными – историческими, относящиеся к концептосферам отдельных субкультур;

3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме, воспринимаемая как один из детерминирующих концепт культурных элементов» [9, 51].

Как подчеркивает С.Г. Воркачев, концепт понимается как «единица коллективного знания/сознания (отправляющаяся к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, 70].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют базовые характеристики лингвокультурных концептов:

1 Комплексность бытования: при анализе лингвокультурного концепта в комплексе изучаются язык, сознание и культура.

2 Ментальная природа: в сознании происходит взаимодействие языка и культуры.

3 Ценностность: концепт служит изучению культуры, в основе которой лежит ценностный принцип.

4 Условность и размытость: концепт не имеет жестких границ.

5 Изменчивость.

6 Ограниченность сознанием носителя концепта.

7 Трехкомпонентность. В составе концепта выделяются три компонента: ценностный, образный, понятийный.

8 Полиапеллируемость: способы апелляции к концепту разнообразны: лексемы, фразеологизмы, словосочетания и другие.

9 Многомерность [4,12-13].

Таким образом, лингвисты разных направлений признают ментальную сущность концепта, подчеркивают его связь со знаниями человека, пониманием окружающего мира. Все ученые отмечают связь концепта с культурой.

В лингвистике известны различные способы описания концепта: 1) выбор ключевого слова для исследования; 2) построение и анализ семантемы ключевого слова; 3) анализ лексической сочетаемости ключевого слова; 4) анализ синонимов ключевого слова; 5) построение лексико-фразеологического поля ключевого слова; 6) построение деривационного поля ключевого слова; 7) анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт; 8) анализ художественных текстов; 9) сопоставительный анализ средств разных языков и другие [7, 96-153; 1, 15-16].

Список литературы

- 1 *Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007.*
- 2 *Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 21-30.*
- 3 *Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. - № 1.*
- 4 *Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 12-13.*
- 5 *Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.*
- 6 *Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 296 с.*
- 7 *Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.*
- 8 *Сабитова З.К. Лингвокультурология : учебник. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 528 с.*
- 9 *Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 1997.*

Т.М. Смакотина
Кафедра «Английская филология»

ЛИЧНЫЙ ДЕЙКСИС В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Трактовка проблемы дейксиса является одним из научных достижений известного австрийского ученого Карла Бюлера и получила достойное развитие в работах других зарубежных и отечественных исследователей. Определяя «указательное поле человеческого языка» и способы его выражения, Карл Бюлер выделяет три указательных слова «здесь-сейчас-я» как систему координат субъективной ориентации, в которой указательные (дейктические) слова употребляются в функции языкового показателя ме-

ста, показателя времени и показателя индивида [1, 94-99]. Личные местоимения как способ выражения личного дейксиса являются ролевыми указательными словами, которые указывают на исполнителей ролей отправителя и получателя речевого сообщения [1, 105]. Система личных местоимений первого и второго лица, символизирующих непосредственных участников ситуации общения, расширяется местоимениями третьего лица при проецировании отсутствующего, но уже известного субъекта /объекта, что Бюлер считал важным этапом в развитии человеческого языка [1, 348-349].

Н.А. Кобриня определяет местоимения как особый класс слов-дейктиков: основным «коммуникативным значением этого класса является связь с реальностью, точнее с теми её сторонами, которые прагматически важны для конкретного высказывания» [2, 9]. Личные местоимения образуют одну из основных категорий дейксиса. Они непосредственно связаны с ситуацией общения и являются ситуационно зависимыми словами, указывая на участников ситуации, не называя их.

Грамматическая форма первого лица единственного числа эксплицитно маркирует дейктический центр дискурса, акцентирует присутствие адресанта, способствует реализации его намерений, усиливает воздействие сообщаемого. Местоимение первого лица единственного числа представлено преимущественно в устной форме англоязычного научного дискурса. В лекции, прочитанной Д. Гилбертом на Международном конгрессе математиков в Париже, мы находим многочисленные примеры употребления местоимения первого лица единственного числа как в именительном, так и в объектном падеже «I, me».

To such a review of present-day problems, raised at the meeting of the centuries, I wish to draw your attention [Д1, с.107]. I remind you only of the «problem of quickest descent» proposed by J. Bernoulli [Д1, с.108].

Permit me in the following to dwell on particular and definite problems, drawn from various departments of maths [Д1, с. 111]. In answer let me point out ... [Д1, с.112].

Личное местоимение первого лица единственного числа достаточно широко употребляется и в письменной форме научного дискурса, когда автор вовлекает себя в обсуждаемую ситуацию, делает себя участником, применяет её к себе лично. В критических обзорах авторская оценка об-

суждаемых работ и мнений также связана с употреблением личного местоимения 1-го лица.

Scholastic philosophy distinguished between true beings and beings of reason, and I shall not revive this distinction [Д1, с.438]. I can think of anything whatsoever as a set, providing only that it does not involve contradiction [Д1, с.454].

On page after page of Dr. Steward's new book on «Air» I found statements which my own experience in this field certainly leads me to ask a number of questions [К, с.104].

В цитациях, представляющих точку зрения других учёных, зачастую присутствует местоимение I как личностная позиция цитируемого автора, подтверждающая или опровергающая обсуждаемое явление, как ссылка на заслуживающий внимания авторитет.

Descartes, father of modernism, said «All nature is a vast geometrical system. Therefore I neither admit nor hope for any principles in physics other than those which are in geometry or in abstract maths, because, thus all the phenomena of nature are explained and some demonstration of them can be given » [Д1, с.335].

At least for bounded functions Lebesgue noted that his definition, unlike Riemann's, resolves this problem: «Not being able to demonstrate that the definition proposed was the only one fulfilling the conditions, I have attempted to show that it was natural and from a geometric point of view it seemed almost necessary.» [Д11, с.113].

Контекст предложений с местоимением первого лица единственного числа в английском научном дискурсе имеет свою специфику. Анализ показывает, что глагол в функции сказуемого в таких предложениях связан преимущественно не с конкретным действием, совершаемым адресантом, а с действиями и состояниями, связанными с ментальной и эмоциональной сферой. Следовательно, при подлежащем, выраженным личным местоимением «I», глагол-сказуемое стоит чаще всего в действительном залоге. Авторское I может содержать оттенки экспрессии и призыва как в устной, так и в письменной форме научного дискурса. Оно транслирует личностную позицию адресанта, определённым образом заряжая дискурс эмоционально и экспрессивно.

I should still more demand for a math problem that it ought to be perfect; for what is clear and easily understandable attracts, while the complicated re-

pels us [Д1, с.107]. I protest against the use of infinite magnitude as something completed, which is never permissible in maths [Д1, с.438].

Эмоционально-оценочная коннотация в контексте определённого высказывания может усиливаться при повторном использовании личного местоимения в параллельных конструкциях.

I want to start today with a series of ideas on statistical mechanics. I want to give a model for a gas or a liquid without the assumption that I am excluding liquids from my discussion for I am not. I am specifying... [Д11, с.243].

В научном дискурсе с личным местоимением первого лица единственного числа коррелирует соответствующее личное местоимение множественного числа *we*, с помощью которого адресант объединяет себя с другими лицами. Высказывания с коллективными *we/us* доминируют, способствуя актуализации вовлечённости аудитории в обсуждение. *We* объединяет адресанта и адресата в процессе коммуникации, тем самым предполагая наличие у адресата соответствующего уровня знаний. Местоимение *we* свидетельствует о том, что адресант учитывает и позицию аудитории, проявляет уважение к ней. Таким образом адресат привлекается к соучастию в обсуждении, к сотрудничеству, создаётся эффект непосредственного общения.

We are now in a position to give an equivalent definition of a valid argument [Д11, с.22]. At the first step toward defining validity for the predicate calculus, we might raise the question whether the technique of a truth table might be extended from the propositional calculus to the predicate calculus. The answer is «yes» [Д11, с.23].

Личное *we* является акцентирующим элементом, способствующим актуализации намерений адресанта и предполагающим взаимную осведомленность собеседников, реальных или предполагаемых. Местоимение *we* выступает как форма выражения авторской позиции, поддерживает контакт между участниками коммуникации, содержит призыв к совместной деятельности. Личностная характеристика может поддерживаться объектным падежом местоимения *us* и соответствующим притяжательным местоимением *our*. В вопросе *we* выступает как фактор, стимулирующий внимание.

We are now ready to state the definition of the math probability of an event [Д11, с.192]. We want to know why this is so. We have to probe deeper, we have to, then, ask: What is the nature of atom? (K, 69) We all feel comforta-

ble with the ball-and-stick theory because it operates in the three-dimensional, classical world of our senses and seems «real» to us [C, c.242].

What do we call «constructions» in our study of geometry? How are we going to decide when a math relationship really holds? [Д11, с. 17].

Модальные глаголы и их эквиваленты часто встречаются в контексте предложений с местоимением *we*: ...*we may prefer to consider what is going here and now* [Д11, с.50], ... *we can also pose important questions* [Д11,153]. *We must remember that we are dealing with a continuum* [Д11, с. 152]. *We ought not to undervalue this contribution of the ancient Greek mathematicians* [Д1,92]. *We need to develop a method for studying plasma motion* [Д11, с.153].

Многократное употребление местоимения первого лица множественного числа типично для англоязычного научного дискурса. *We* встречается 16 раз в пределах одной страницы статьи о законе Роберта Хука; адресат вовлекается в совместное рассуждение и совместное эмоциональное восприятие информации: *We meet similar Hook`s law... , we are trying to extract a law... ,we usually restrict our attention... , we are finding... , we ignore those distractions... , we find the stretch... , we should not ask... , When we find that... , we consider... , We may picture... , we have no illusions... , we pride ourselves on ... , We consider... , we know... , we keep track of ... , we suspect* [Д 11, с. 129]. Последовательность предложений с инициальным местоимением *We* в начале каждого абзаца может создавать эффект повышенной эмоциональности:

We must be careering along a huge epicycloid through space without knowing it. ...

We give the name inertial frame to any frame of reference in laboratory in which Newton`s laws describe nature truly: ...

We are not supplied by nature with an obvious inertial frame. ... [Д1, с. 249].

Англоязычному научному дискурсу присуще прямое обращение к адресату в форме личного местоимения второго лица «you», которое выполняет контактоустанавливающую функцию. Потенциальный адресат воспринимается как участник диалога, его присутствие, его позиция принимаются во внимание. Присутствие адресата ощущается в англоязычном научном дискурсе благодаря, например, императивным структурам и, не в

последнюю очередь, благодаря прямым обращениям и вопросам с местоимением второго лица *you*.

Suppose you have a friend who is really good at maths [Б, с.24]. From your everyday life, you know that plastics are solid. You may know from disastrous experience that some plastics melt at a fairly low temperature and some burn, giving off very unpleasant smoke [К, с.120]. But if you're also entrepreneurially inclined, you may want to know how the Internet doesn't just assist business but can actually be a reliable vehicle for commerce [Д1, с.351].

You может быть имплицитным в вопросах разговорного характера, тем не менее их адресованность к потенциальному участнику диалога очевидна: *Hydrogen's the water former, remember? [К, с.74].* Ссылка на личный опыт и знания адресата активизирует его восприятие: *As you know from your own experience, this relation holds for a steel spring with remarkable accuracy over a wide range of stretches [Д1, с.260]; As you know, a dull-red mercuric oxide is decomposed into mercury and oxygen [К, с.86].*

Коммуникативным содержанием предложений с местоимением второго лица часто является рекомендация, совет, инструкция, предостережение: *You'll find it useful to bear in mind [Б, с.49]. You also need to know the memory space... (Б, с.68), All you have to do is ... [Б, с.26]. Later you ought to do some measurements to check your constructions [Д1, с.91]. You just give it your instructions (called a program) and off it goes [Б, с.27].*

Если дейктическая функция местоимений первого и второго лица связана с указанием на лицо или группу лиц, в составе которой находится адресант или адресат, или тот и другой вместе, то дейктическая функция личных местоимений третьего лица - это указание на «другого, других», не на непосредственных участников дискурса, но уже известных лиц или предметов, или названных ранее. Местоимения *he, she, it, they*, отсылающие к предыдущему контексту, выполняют анафорическую функцию, замещаая существительное.

Although Aristotle was not a mathematician, but, as the systematizer of classical logic, he might have found in elementary maths excellent models of logical reasoning and his illustrations tell us a great deal about the principles of the axiomatic method as accepted in his time [Д11, с.30]. There seems to be no real value in these bare math formulas. They explain nothing [Д11, с.162]. Read Euler, he is teacher of us all [Д1, с.162]. A material is thought of as «solid» if it has some «preferred configurations» [Д11, с.172].

В следующей ситуации местоимение «*they/them*» имеет как анафорическую связь (a user), так и катафорическую связь (the root user) в рамках одного и того же предложения, при этом местоимение 3-го лица множественного числа «*they*» замещает существительное в единственном числе, так как «a user» может подразумевать как «*he*», так и «*she*», т.е. «*they*» включает «*he, she*»: *Should a user have to install software or make system-wide changes, they must enter the root password for the computer, which allows them to launch certain programs as the root user* [Б, с.131].

Н.А. Кобрина обращает внимание на то, что местоимение *it* может не только замещать существительное, но «семантически может относиться к целым ситуациям, описанным выше, устанавливая идентичность, способствовать выражению оценочности» [2, 15].

And for the research worker who suddenly discovers this structure in the phenomena which he is studying, it is like a sudden modulation which orients at one stroke in an unexpected direction the intuitive course of his thought [Д1, с.78]. *It is commonly believed that thermodynamics proves every elastic material to be hyperelastic* [Д11, с.163].

Грамматики отмечают, что местоимения *we, you, they* могут приобретать обобщённое значение и употребляться как слова с неопределённо личным значением, относящимся не к конкретному лицу или лицам, а к субъектам вообще [3, 230]. В этом случае *we* включает адресанта, *you* исключает, но может и включать его, *they* обозначает очень широкое и неопределённое множество лиц.

By a neighbourhood of a point we mean an interval ... [Д11 с.230]. *We have with Dirichlet the beginning of a distinction between the class of continuous functions and the class of integrable functions* [Д11, с.108]. *Scientists are setting forth ideal schemes (models) for science, but if you watch scientists at work, you will see that there is no one scientific method* [Д1, с.229]. *They say that Understanding ought to work by the rules of right reason* [Д11, с.189].

В следующем примере обобщенное значение местоимения второго лица *you* может быть выражено и местоимением первого лица *we*, то есть в данном случае *you* включает и адресанта: *Technically you could say he had been experimenting with the passage of electricity through gas, since air – oxygen and nitrogen – is a gas* [К, с.134].

Исследователи отмечают, что в англоязычном научном дискурсе более отчётливо, чем в русском, выражена «личность», активность

субъекта, автор проявляет себя в дискурсе более открыто [4, 157]. Личные местоимения часто используются в англоязычном научном дискурсе, в то время как в русском научном дискурсе предпочтительны безличные и неопределённо-личные конструкции. Эта специфика подтверждается при сопоставлении английского научного текста и соответствующего перевода на русский язык. Аналогичная тенденция прослеживается и при переводе с русского языка на английский. Возьмём лишь несколько предложений из работ А.Н. Колмогорова «Основные понятия теории вероятностей» и Л.И. Седова «Введение в механику», переведенных на английский язык.

Для ответа на этот вопрос следует указать *In order to answer this question, we must point* на ту специализацию, которую получает ... *out the specialization* ... [Д11, с.202].

Рассмотрим перемещение и движение *We consider a displacement and motion of a* континуума как множества точек, ... *continuum as a set of points* ... [Д11, с.173].

В качестве определения примем, что движение *By way of definition, we assume that if the* континуума известно ... *motion of the constituent* ... [Д11, с.173]. ... при таком подходе подразумевается, что *In taking this approach we suppose that rules* существуют правила ... *exist* ... [Д11, с.173].

Таким образом, личные местоимения широко представлены в англоязычном научном дискурсе, являясь индикаторами как непосредственных участников дискурса (I, we, you), так и потенциальных (he, she, they) и выполняя важную коммуникативную функцию. Эмоционально-оценочная коннотация, возникающая при употреблении личного местоимения «I», подчёркивает личностную позицию адресанта и тем самым усиливает эмоциональное воздействие на адресата. We, объединяющее участников коммуникации, способствует сотрудничеству, вовлекает адресата в совместное эмоциональное восприятие информации. You, прямое обращение к адресату, способствует установлению контакта и успешному развитию дискурса. Местоимения третьего лица выполняют также значимую дискурсивную функцию, устанавливая анафорические и катафорические связи. Личные местоимения способствуют более отчётливому проявлению активности субъектов, созданию эффекта адресованности и личного присутствия участников коммуникации в научном дискурсе.

Список литературы

- 1 Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. – М. : Издат. группа «Прогресс», 2000. – 528 с.
- 2 Кобринна Н.А. Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею Н.А. Кобриной. – СПб. : Тригон, 2005. – С. 7-26.
- 3 Kobrīna N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzeyeva K.A. *An English Grammar, Morphology*. – М. : Просвещение, 1985. – 288с.
- 4 Шимберг С.С. Универсальное и идиоэтническое в англоязычном и русскоязычном научном дискурсе (переводческий аспект) // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.2. Текст и перевод в когнитивном аспекте. – СПб. : Тригон, 2005. – С. 152-160.

Принятые сокращения, источники

Б - Бобылёва С.В, Жаткин Д.Н. Английский язык для сферы информационных технологий и Сервиса. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2009. – 332 с.

Д1 - Дорожкина В.П. Английский язык для студентов-математиков. – М. : Астрель ; АСТ, 2001. – 400 с.

Д11 - Дорожкина В.П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов. - М. : Астрель ; АСТ, 2004. – 347 с.

К - Кутепова М.М. The World of Chemistry. - М. : КДУ, 2006. – 152 с.

С - Степанова Т.А., Ступина И.Ю. English for Chemists. – М. : Академия, 2006. – 288 с.

В.Ф. Ульянин, Е.М. Жданова
Кафедра «Немецкая филология»

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «DER HASS» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

В современной науке большое значение придаётся изучению концепта, но его рассмотрение лишь в традиционной трактовке представляется нам недостаточным. Необходимо, на наш взгляд, исследовать универсальные психологические факторы, влияющие на образование концепта,

используя при этом различные методы психолингвистического анализа, такие, например, как лингвистический ассоциативный эксперимент. Данный подход даёт возможность проследить развитие или деградацию того или иного концепта с учётом его психолингвистической составляющей.

Нами была рассмотрена лексическая репрезентация концепта «Der Hass» в рассказе Генриха Бёлля «Als der Krieg zu Ende war». Далее с помощью ассоциативного эксперимента мы установили актуальность данного индивидуально-авторского концепта через восприятие современных немцев, то есть был учтён и тот факт, что концепт является эмоциональным.

Названный выше концепт был выбран не случайно: ненавистью «пропитана» вся художественная ткань произведения, это чувство преобладает в наборе чувств, испытываемых героями. Главный персонаж ненавидит всех мужчин так же, как и своих товарищей по лагерю военнопленных: «... Was sie nicht wussten, war, dass ich sie, die Nazis und Nichtnazis, nicht wegen ihrer Nähe und ihrer politischen Ansichten hasste, sondern weil sie Männer waren, Männer, vom gleichen Geschlecht wie die, mit denen ich sechs Jahre lang zusammen haben sein müssen; die Begriffe Mann und dumm waren für mich fast identisch geworden» [1, 250]; «Lass mich in Ruhe», sagte ich; obwohl er noch gar kein Mann war, er würde wohl bald einer sein, und deshalb hasste ich ihn» [1, 248]; «Die meisten von Ihnen hasste ich, viele waren mir gleichgültig,...» [1, 251]. Они же, в свою очередь, ненавидят всех евреев, антифашистов, в том числе и главного героя, перекладывая на них вину за проигранную войну. Ненависть - чувство, оставшееся у немцев после потерь, разочарований, жестокости и разрушений. Главный персонаж, как и многие другие, причисляемые к антифашистам, «Nichtanhänger», испытывает ненависть к самому себе за то, что он немец: «...ich wäre lieber ein toter Jude als ein lebender Deutscher» [1, 254].

В рассказе «Als der Krieg zu Ende war» воссоздан послевоенный мир Германии с его страданиями, разрушением, смертью, страхом, воспоминаниями о войне и ненавистью. Каждое из этих понятий также является и отдельным концептом. Таким образом, в ходе научного исследования были выявлены смежные концепты, которые имеют общую точку пересечения - войну. Они играют важную роль в рассказе, так как напрямую связаны с картиной мира писателя и помогают раскрыть её в полной мере, способствуют разоблачению войны, показывают концепт «Der Hass» в его

развитии, «наполнении». Так, данный концепт в рассказе соприкасается с такими концептами, как «Leiden», «Tod», и «Angst», являясь, в своём роде, гипонимом концепта «Krieg».

Проведя анализ лексических единиц, мы составили модель внутренней формы концепта, реализующуюся в рассказе. Для исследования был взят также контекстуальный синоним понятия *Hass – Verachtung* (презрение). Главный герой сам рассуждает о тех чувствах, которые испытывает: «...ich hatte monatelang darüber nachgedacht, wo die Grenze zwischen Hass und Verachtung verläuft und hatte die Grenze nicht gefunden (...я месяцами мучился мыслью о том, где проходит граница между ненавистью и презрением, но этой границы не отыскал)» [1, 250]. На периферии находятся следующие лексические единицы: *Krieg, Leiden, Angst, Schlägerei, zusammenschlagen*. Ещё дальше от центра ядра располагаются ЛЕ, демонстрирующие состояние ненависти, ругательства: *verdammt, verteufelt, verflucht, Schweine, anbrüllen*.

Из вышесказанного следует, что концепт «Der Hass» является многоуровневым и социальным, что подтверждается высказываниями В.А. Масловой [3, 31-32] и Н.Н. Болдырева [2, 25-36] по вопросу о классификации концептов. Концепт «Der Hass» является многоуровневым, так как он включает в себя несколько слоёв, а именно ядро, приядерную зону и периферию, причем один уровень доминирует над всеми остальными. Концепт является социальным, так как ненависть - человеческое чувство, немислимое отдельно от человека.

«Der Hass» в рассказе Бёлля включает в себя особый вид ненависти: ненависть немцев к самим себе. Одни, такие как главный герой рассказа, проецируют эту ненависть на всех лиц мужского пола, другие изливают свою ненависть на антифашистов и евреев, как их учил Гитлер, но, по сути, ненависть разрушает их, не давая приспособиться к новой жизни, жизни вне войны.

Исследовав, таким образом, лексическую составляющую концепта, мы перешли к изучению психологического фактора.

При проведении группового ассоциативного эксперимента испытуемым было предложено записать первые пришедшие им в голову ассоциации со словом-стимулом. Так как наш эксперимент - свободный ассоциативный эксперимент, то ограничения касались только временных рамок проведения эксперимента. Количество ассоциаций или их принадлеж-

ность к какой-либо части речи ограничены не были. Итак, в качестве стимула выступило слово «der Hass», а отведённое на эксперимент время составляло 5 минут. Следует также упомянуть, что все испытуемые – немцы в возрасте от 25 до 65 лет, проживающие в Кёльне и его окрестностях.

В ходе эксперимента мы получили следующие результаты:

Krieg -12, Nazi-10, Nazismus, Mörder -8, Wut-8, blind-8, Blut-8, Macht-7, Rassismus-7, Rache-6, Abneigung-6, Faschismus-5, schwarz-4, Regierung-4, verabscheuen-4, Feind-4, Schwein-4, Leiden-4, Tod-4, Folter-4, Kummer-3, Ärger-3, wütend-3, sauer-3, Politik-3, umbringen-3, kämpfen-3, Teufel-2, Groll-2, Verbrechen-2, Schlacht-2, Kampf- 2, hauen-2, Stress-2, verprügeln-2, Streit-2, zanken-2, zischen-1, Feuer-1, Schrei-1, treten-1, Fett-1, Schuhe-1, Kämpfer-1, Haus-1, Maß -1, übel-1, Vase-1.

Итого, нами были изучены 169 ассоциаций от 25 реципиентов.

Качественный анализ всего набора ассоциаций позволяет анализировать первичные (ассоциативные) представления немцев о ненависти. Для анализа результатов было использовано прикладное правило ассоциативного эксперимента, суть которого заключается в том, что в семантическую универсалию стимула включаются только те ассоциации, которые использовались тремя или большим количеством испытуемых (в группе из 20-30 испытуемых). То есть слова-ассоциации с индексом 1 являются сугубо индивидуальными и интереса для нашего исследования не представляют. Такие слова-ассоциации, как *Maß* и *Haus*, можно отнести к типу фонетических ассоциаций, т.е. в данном случае наблюдается созвучие между стимулом и реакцией, а семантическое обоснование ассоциации не выражено. Появление других единичных ассоциаций может быть связано с определёнными переживаниями испытуемых, которые актуальны для них в данный момент, а также какими-либо психическими отклонениями, требующими исследования уже другими науками, такими как психология и психиатрия.

Проанализировав результаты проведённого эксперимента, мы пришли к выводу о том, что наш тезис об актуальности данного концепта для граждан сегодняшней Германии подтвердился: как и герои рассказа Бёлля «Als der Krieg zu Ende war», так и немцы Кёльна, родного города писателя, схоже реагируют на слово-стимул «Der Hass». Этот факт свидетельствует также и об актуальности даже таких неглобальных исследований, как наше, своей постановкой вопроса не только для науки в целом, но и для

представителей всех наций и народов. Вспомним о войнах, которые ведутся в нашем беспокойном мире.

Значительное место в исследовании занимает и сама личность автора, его мировоззрение. Генрих Бёлль – пацифист, получивший признание, в первую очередь, благодаря своему гуманизму. Его рассказ «Als der Krieg zu Ende war» – антивоенный рассказ, в нём чётко отражены особенности творческого метода и стиля писателя. Основная идея рассказа – изобразить жизнь, чувства немцев, их состояние после войны – напрямую связана с объектом данного исследования – концептом «Der Hass». Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что произведения данного автора как и многих других оказали глубокое влияние на формирование этого общенационального концепта.

Итак, при помощи ассоциативного эксперимента мы доказали, что концепт «Der Hass» включает в себя общее традиционное содержание, которое связано с представлениями определенного народа. Он является частью немецкой лингвокультуры. С другой стороны, наше исследование, проведённое в лингвокультурологическом ключе, подтвердило наш тезис о том, что концепт «Der Hass» является ярко выраженным индивидуально-авторским концептом, отражающим особенности творческого метода, стиля и личного опыта Генриха Бёлля. Важным является и то, что проблематика рассказа достаточно объёмна: это и социально-политические, и морально-гуманистические проблемы, а также человеческая нетерпимость и антисемитизм. События прошлого значительно повлияли на мировоззрение немцев, след этой трагедии прослеживается до сих пор.

Проблема же эмоционального концепта всегда актуальна и до конца не изучена, она требует комплексного подхода в своём изучении, что даёт перспективы дальнейших исследований в данной области.

Список литературы

- 1 Böll H. *Mein trauriges Gesicht. Erzählungen.* – М. : Raduga Verlag, 2001. – 287S.
- 2 Болдырев Н.Н. *Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – 183 с.
- 3 Маслова В.А. *Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений.* – М. : Академия, 2010. - 208 с.

А.В. Федоринов
Кафедра «Романская филология и
методика преподавания французского языка»
Оренбургского государственного университета

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

Перевод художественного произведения по праву считается самым сложным, так как для его осуществления требуются не только энциклопедические знания и эрудиция переводчика, его свободное владение родным и иностранным языком, но и «талант» писателя.

Перевод художественного текста отличается от других жанров его относительной вольностью, поэтому очень часто один и тот же текст трактуется по-иному разными переводчиками.

Пример «вольности» наблюдается у разных авторов. Например, название кинофильма «Летят журавли» переводчик перевел как «Летят аисты», потому что на французский язык дословно это предложение можно перевести следующим образом: Quand passent les grues, то есть в переводе на русский язык: 1) Летят журавли (Когда пролетают журавли), 2) Идут девицы легкого поведения (Когда проходят путаны), 3) Проезжают краны (Когда проходят краны), 4) Идут дуры (Когда проходят дурочки).

Чтобы избежать двусмысленности и игры слов, переводчик прибег к такому переводу: «Quand passent les cigognes» – «Летят аисты» («Когда пролетают аисты»), потому что журавли похожи по своему внешнему виду и повадкам на аистов.

Знаменитая французская сказка «La Belle et la Bête» была переведена на русский язык как «Аленький цветочек». Переводчик постарался придать названию произведения привлекательность и интригу, так как дословный перевод звучит не очень красиво: «Красавица и чудовище (зверь, чудище)».

Самое главное для переводчика – передать и сохранить смысл художественного произведения, поэтому перевод заголовка является очень

важной, иногда сложной задачей, от которой зависит не только интерес читателя, но и передача смысла всего текста.

Переводчики, отличающиеся обычно огромной эрудицией и богатым багажом знаний, необходимым для их творчества, иногда всё-таки допускают ошибки в своем труде. Это объясняется многими причинами: различиями во вторичной языковой личности, в менталитете; наличием пробелов в знаниях какой-либо специфической отрасли науки, незнанием диалектов и экзотизмов.

Для реализации всех этих задач переводчики должны знать все исторические события, все культурные традиции и праздники, нормы поведения тех этносов, художественные произведения которых им нужно интерпретировать (переводить).

Россию и Францию связывают давние культурные, дружеские связи начиная с эпохи правления Ярослава Мудрого (он отдал свою дочь Анну (Агнессу) Ярославну или Анну Киевскую за французского короля Генриха I) [1] и добрососедские, союзнические отношения (в Первой и Второй мировой войнах), которые продолжают и по настоящее время.

Обмен культурным достоянием между нашими странами осуществляется постоянно. Произведения многих французских писателей переведены на русский язык (А. Дюма, В. Гюго, Р. Роллан, М. Дрюон, А. и М. Моруа, П. Гамарра и др.). Французы проявляют огромный интерес к произведениям современных и русских писателей-классиков. Многие шедевры мастеров пера дореволюционной и современной России переведены на французский язык: И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын, А.С. Пушкин.

Особый интерес к художественным произведениям русских писателей проявили французские писатели-переводчики А. Жид, П. Мериме, Э. Триоле, М. Витмэй, Э. Селиков, которые перевели много литературных произведений отечественных авторов на французский язык.

Актуальность статьи вызвана интересом отечественных и зарубежных читателей к произведениям русской художественной литературы девятнадцатого века, переведённым на французский язык.

Это подтверждается частым обращением читателей к переводам на французский язык русских писателей, в частности, к творчеству великого мастера пера А.С. Пушкина [3].

Цель статьи – выявить погрешности и неточности в переводе повести, устранить их, предложив свой вариант перевода сложного сегмента текста.

Материалом для исследования послужил перевод повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель», осуществлённый Элизабет Селиков (Elisabethe Sélikoff) [9].

В современной лингвистике термин «перевод» имеет много определений.

А.В. Фёдоров предлагает такую дефиницию переводу: «Перевод рассматривается прежде всего как речевое произведение в его соотношении с оригиналом. ... Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [6, 15].

А.Д. Швейцер, считает, что перевод – это «...однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации...» [7, 75].

С ним не соглашается и по иному трактует свою точку зрения Отто Каде, который считает, что процесс перевода нужно рассматривать как трехфазную модель, когда текст отправителя (О) поступает к переводчику-транслятору (Т), затем перекодирован на язык получателя (П) переводчиком (Т) и передаётся получателю текста (П) [5].

Согласно теории Ж. Мунена, «перевод – это контакт языков, явление билингвизма» [8, 4]. Он считает, что «...перевод остается искусством, но искусством, основанным на науке» [8, 6].

По мнению В.В. Сдобникова, «...перевод можно определить как способ обеспечить межъязыковую коммуникацию путем создания на ПЯ (переводящем языке) текста, предназначенного для полноправной замены оригинала» [4, 87].

Л.С. Бархударов предлагает следующее определение переводу: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [2, 11].

В процессе перевода художественного текста переводчики прибегают к переводческим трансформациям (преобразованиям).

В данной статье мы использовали классификацию переводческих преобразований Л.С. Бархударова для анализа текста нашего исследования [2, 6].

Перевод художественного текста – довольно сложный и многогранный процесс, который требует от переводчика не только огромной эрудиции, энциклопедических знаний, свободного владения родным и иностранным языком, но и талант писателя.

Приступая к работе над аутентичным текстом, переводчик должен, во-первых, познакомиться со всеми историческими событиями, которые описываются в художественном произведении, с выдающимися личностями той эпохи, просмотреть все архивные документы, ознакомиться с материалами исторических и краеведческих музеев, выявить устаревшие слова и обороты, историзмы и архаизмы, перевести их и найти соответствия в современном языке, если они сохранились.

Во-вторых, познакомиться с культурным наследием этноса, произведения которого предстоит перевести, с реалиями, экзотизмами, с бытом и укладом литературных персонажей. Например, сельский житель никогда не выбросит кусок хлеба. Он или доест его, или отдаст собаке, кошке или другому домашнему животному. Уважение к хлебу прописано в русских пословицах, например: «Хлеб – всему голова».

В-третьих, перевести фразеологизмы, найти их происхождение; выявить «игру» слов в переводящем языке и постараться донести её до читателя.

В-четвертых, нужно учесть и тот фактор, что языковая картина мира у различных этносов не совпадает, например, француз скажет, что это его родной язык так: «*c'est ma langue maternelle*», что в дословном переводе на русский язык прозвучало бы таким образом: «это мой материнский язык».

В-пятых, постараться понять интенции писателя, имплицитную, скрытую от глаз читателя информацию и донести ее до реципиента.

В-шестых, постараться передать стиль произведения, особенности изложения текста автором. Для этого переводчик должен иметь талант писателя, проникать во внутренний мир персонажей литературных произведений.

В процессе своей творческой деятельности перед переводчиком иногда встают задачи и трудности, которые он пытается устранить при помощи переводческих трансформаций (преобразований). В повести «Станционный смотритель» опускались или заменялись некоторые реалии: тройка, самовар, верста, сарафан.

Анализ повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» позволил нам выявить переводческие преобразования, которые были представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Переводческие преобразования в переводе на французский язык повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» (фрагмент*)

№ п/п	Аутентичный текст	Перевод аутентичного текста на французский язык	Выявленные погрешности перевода	Вид переводческой трансформации
1	Жива ли, нет ли, бог её ведаёт	Sans savoir si elle vit encore, continua le malheureux	Искажение синтаксической конструкции	Замена, добавление
2	Я приближался к станции с печальным предчувствием	Je m'approcha de la station et un triste pressentiment me serra le coeur	Частичное искажение смысла	Добавление
3	Обстоятельства привели меня на тот самый тракт , в те самые места	Les circonstances m'amenèrent de nouveau au même endroit	Опущение информации	Опущение
4	Но как он постарел!	Mais quel changement!	Частичное искажение смысла	Замена
5	Барыни дарили её, то платочек, то серёжки	Les dames lui faisaient de menus cadeaux	Отсутствие конкретизации	Замена
6	Курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались	Des courriers d'Etat s'intéressaient à bavarder avec elle	Отсутствие индикации на временной признак	Опущение
7	Тройка подъехала	Ils entendirent un équipage s'arrêter devant la maison	Отсутствие реалии	Замена, добавление
8	А дочь его за перегородкой шила себе платье	Sa fille cousait derrière le rideau	Отсутствие указания на принадлежность	Опущение
9	Окутанный шалью	Enveloppé d'un foulard	Искажение смысла	Замена

10	<i>Он расплатился у смотрятеля, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью</i>	Il se mit à bavarder gaiement et <i>commanda le souper</i>	Опущение информации	Опущение, добавление, опущение
----	--	--	---------------------	--------------------------------

**Примечание: Полная таблица содержит 182 примера переводческих трансформаций.*

При анализе повести «Станционный смотрятель» нами были выявлены 182 переводческие трансформации: замена – 78 случаев, опущение – 88 случаев, добавление – 16 случаев. Это выражено следующим процентным составом: замена – 43 %, опущение – 48 %, добавление – 9 %.

Рассмотрим некоторые погрешности переводчика, обнаруженные в переведённой на французский язык повести А.С. Пушкина «Станционный смотрятель».

В первом случае автор использует синтаксическую замену, добавляя группу слов «продолжал бедолага (несчастный человек)». Смысл предложения при этом практически не меняется.

Во втором примере переводчик добавляет описание душевного состояния героя, у автора оно выражено имплицитно.

В следующем предложении опущено существительное «тракт». Мы считаем, что текст лишается дополнительной информации.

В четвёртом примере переводчик не уточняет, что герой повести постарел, а просто изменился.

В пятом предложении можно было бы конкретно назвать те предметы, которые были принесены в дар девушке.

В шестом примере отсутствуют слова, обозначающие конкретные предметы (подарки).

В следующем случае переводчица опускает указание на время.

В восьмом примере опущена лексика, которая показывает, что девушка шьёт себе платье.

В девятом случае переводчик использует слово *foulard(m)*, которое переводится как «шейный платок» или «галстук» (пионерский), в который невозможно было бы укутаться. Подойдет только лишь слово «шаль».

В последнем примере опущена некоторая информация, было использовано добавление, которое не повлияло на качество перевода.

Для устранения погрешностей перевода нами составлена таблица 2, в которой курсивом предлагаются варианты перевода, которые, на наш взгляд, устранят некоторые погрешности и неточности в переводе литературного произведения на французский язык и придадут переводу определённую экспрессивность.

В таблице 2 представлены варианты перевода, которые мы уточнили, стараясь не нарушить смыслового содержания произведения.

Таблица 2 – Вариант перевода аутентичного текста повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» (фрагмент*)

№ п/п	Аутентичный текст	Перевод аутентичного текста на французский язык	Дословный перевод на русский язык французского переведенного текста	Предлагаемый вариант перевода
1	Жива ли, нет ли, бог её ведает	Sans savoir si elle vit encore, continua le malheureux	Не знаю, жива ли она еще, продолжил горемыка	<i>Si elle vit encore ou non, Dieu seul le sait</i>
2	Я приближался к станции с печальным предчувствием	Je m'approcha de la station et un triste pressentiment me serra le coeur	Я подъехал к станции и печальное предчувствие сжало мне сердце	<i>Je m'approcha de la station avec un triste pressentiment</i>
3	Обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места	Les circonstances m'amenèrent de nouveau au même endroit	Обстоятельства снова привели меня в то же самое место	<i>Les circonstances m'amenèrent de nouveau à la même route, au même endroit</i>
4	Но как он постарел!	Mais quel changement!	Но как он изменился!	<i>Comme il a vieilli!</i>
5	Барыни дарили её, то платочек, то серёжки	Les dames lui faisaient de menus cadeaux	Барыни дарили ей небольшие подарки	<i>Les dames lui offraient tantôt le mouchoir, tantôt les boucles d'oreilles</i>

Продолжение таблицы 2

6	Курьеры, фельдгегеря с нею по получасу заговаривались	Des courriers d'Etat s'intéressaient à bavarder avec elle	Курьеры и фельдгегеря с нею по получасу заговаривались	<i>Des plantons et des courriers d'Etat bavardaient avec elle jusqu'à une demi-heure</i>
7	Тройка подъехала	Ils entendirent un équipage s'arrêter devant la maison	Они услышали как карета подъехала к дому	<i>La troïka s'arrêta devant la maison</i>
8	А дочь его за перегородкой шила себе платье	Sa fille cousait derrière le rideau	Его дочь шила за занавеской	<i>Sa fille cousait sa robe derrière la paroi</i>
9	Окутанный шалью	Enveloppé d'un foulard	Окутанный шейным платком	<i>Enveloppé d'un châle</i>
10	Он расплатился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью	Il se mit à bavarder gaiement et commanda le souper	Он принялся весело болтать и заказал ужин	<i>Il paya au maître de poste et se mit à bavarder gaiement avec lui et sa fille</i>

**Примечание: Полная таблица содержит 182 примера переводческих трансформаций.*

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить причины возникновения погрешностей в переводе аутентичного текста на французский язык: отсутствие у переводчика знаний всех российских реалий, лакуны в некоторых вопросах, касающихся этикета, традиций, быта, культурной жизни русского народа.

Список литературы

- 1 Анна Ярославна – королева Франции. URL: ru.tracker.org >forum/viewtopic.php (дата обращения: 12.12.2014).
- 2 Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. - Изд. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
- 3 Пушкин, А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. URL : <http://www.lib.ru/litra/PUSHKIN/belkin.txt> (дата обращения: 12.12.2014).

- 4 Сдобников В.В., О.В. Петрова. Теория перевода : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – М. : АСТ : Восток-Запад ; Владимир : ВКТ, 2008. – 448 с.
- 5 Трехфазная модель Отто Каде. URL: [englishschool12.ru >publ/vse_dlja...vse...otto...kade/65](http://englishschool12.ru/publ/vse_dlja...vse...otto...kade/65) (дата обращения: 12.12.2014).
- 6 Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностранных языков. учебное пособие. – 5-е изд. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
- 7 Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – Изд. 3-е. – М. : Издательство «Либроком», 2012. – 216 с.
- 8 Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. – Paris : Gallimard, 1997. – 296 p.
- 9 Pouchkine Alexandre. Récits de feu Ivan Pétrovitch Belkine. URL : <http://www.twirpx.com/file/1074308/> (дата обращения: 12.12.2014).

И.Н. Федорова
Кафедра «Немецкая филология»

ТРУДНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Овладение иностранным языком, особенно на начальном этапе, готовит ученикам очень много трудностей. Школьники зазубривают много слов и выражений, иногда не понимая значения этих слов. Как следствие, меньшее количество учеников принимает активное участие в работе на уроке. Занятие становится неинтересным. А этого ни в коем случае нельзя допускать. И здесь на помощь учителю могут прийти различного рода игры, которые могут не только разнообразить урок, но и повысить мотивацию школьников к изучению иностранного языка.

Игра очень важна в жизни человека. Понятие «игра» существует во всех культурах. Мы можем наблюдать игры в детском саду, в школе, в университете. Само понятие «игра» в настоящее время понимается по-разному. В литературе, интернете можно найти массу определений игре. В

данной статье мы будем придерживаться точки зрения Г. Беме, считавшей, что игра - это многоперспективная система деятельности.

Достаточно сложно определить границы между игрой и учебой. Игра, также как и учеба, требуют внимания, концентрации и выполнения определенных правил. Но можно с уверенностью сказать, что игровая деятельность и учебная деятельность должны быть связаны между собой. Хотя дидактические игры делают занятие иностранным языком интереснее, не все учителя прилагают усилия, чтобы использовать их на своих уроках. Для этого явления есть свои объяснения. Во-первых, речь идет о трудностях организации игры, в которой бы принимали участие все ученики. Учителя боятся шума, хаоса на уроке и, как следствие, упущенного времени. Вторая причина заключается в убеждении, что в игре можно тренировать только какие-то не очень значительные языковые явления. Но, несмотря на эти трудности, учитель не должен отказываться от использования дидактических игр на уроке.

При выборе игры учитель должен четко определить ее функцию и цель. В некоторых играх может принимать участие каждый ученик, решая одну общую проблему, например, если речь идет о решении кроссворда. Кроме того, класс может быть поделен на несколько групп. Внутри каждой группы выбирается судья, который исправляет ошибки, оценивает и определяет победителя. Активность всего класса помогает избежать скуки и проблем с дисциплиной на уроке. Все свое внимание ученики уделяют поставленной задаче, стараясь решить ее как можно правильнее.

Что касается второй проблемы, то нужно отметить, что все языковые игры направлены на развитие всех навыков, при этом формируется коммуникативная способность. Все упражнения, контролирующие знание лексики или грамматики, могут быть превращены в игру. В игре можно тренировать практически все. Ученики всегда радуются игре, а учитель, в свою очередь, может добиться более высоких результатов, если будет использовать игру как форму закрепления изучаемого материала.

Хотя игра разнообразит занятие, делает его более привлекательным для учеников, она все же не может полностью заменить урок. Игровая деятельность очень хорошо подходит для повторения какого-то уже пройденного материала и для лучшего усвоения нового материала. А если игра используется в подходящий момент и дидактически правильно, то она, конечно же, значительно улучшает восприятие информации, повышает

мотивацию школьников к изучению иностранного языка. Как следствие, повышается уровень успеваемости учеников.

Список литературы

1 *Behme Helma: Miteinander reden lernen. Sprechspiele im Unterricht. 4., unveränderliche Auflage; ludicum Verlag; München, 1992.*

2 *www.ludolingua.de*

Научное издание

ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИЯ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Сборник научных трудов

Ответственный редактор О.А. Казенас

Редактор Н.Л. Борисова

Подписано в печать 04.07.16	Формат 60x84 1/6	Бумага 80 г/м ²
Печать цифровая	Усл.печ.л. 6,5	Уч.-изд.л. 6,5
Заказ № 133	Тираж 50	

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.